

А. С. Новиков-Прибой

ЩУСИТА

Битвы на все времена

Алексей Новиков-Прибой

Цусима

Издательство "Руда"

1932

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

Новиков-Прибой А. С.

Цусима / А. С. Новиков-Прибой — Издательство "Руда",
1932 — (Битвы на все времена)

ISBN 978-5-6040759-5-1

Для нескольких поколений читательской аудитории в России роман А. С. Новикова-Прибоя остался главным источником, по которому они получали представление о Цусимском сражении и причинах поражения 2-й эскадры Тихого океана. Успех романа во многом предопределило то обстоятельство, что его автор, тогда еще простой матрос Алексей Новиков в должности баталёра эскадренного броненосца «Орёл» проделал весь путь с эскадр от Кронштадта до Цусимы и стал непосредственным участником и очевидцем грандиозного сражения. При всем громадном значении как исторического, — хотя и субъективного — книга является увлекательным художественным произведением, рекомендуемым для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

ISBN 978-5-6040759-5-1

© Новиков-Прибой А. С., 1932
© Издательство "Руда", 1932

Содержание

Вместо предисловия	6
Книга первая. Поход	17
Часть первая. Под Андреевским флагом	17
1. Я получаю назначение	18
2. На новом корабле	22
3. Разговор с боцманом	24
4. Прощай, Кронштадт!	27
5. Высочайший смотр	31
6. Царь и кайзер	36
7. Идем в Либаву	39
8. Последняя ночь у родных берегов	43
9. Далекий путь	47
10. «Гулльский инцидент»	52
Часть вторая. Вокруг мыса Доброй Надежды	58
1. Мои думы о флоте не закончены	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Алексей Новиков-Прибой

Цусима

© Заикин А. Ю. иллюстрации, 2018 г.

© ООО Издательство «Руда», 2018 г.

* * *

Вместо предисловия

В истории человечества, с тех пор как стали появляться на свете военные корабли, немало было морских сражений. Но только три из них могут быть по своим грандиозным размерам и результатам сравнимы с Цусимским. Первое, так называемое Саламинское сражение, относится к далекой древности, к 480 году до нашей эры. Противники встретились в Саламинской бухте, около Пирея и Афин. Небольшой греческий флот под руководством Фемистокла уничтожил громадный персидский флот царя Ксеркса. Вторая морская битва произошла в средних веках, в 1571 году, при Лепанто, в Адриатическом море. Соединенный флот христианских государств под начальством дон Жуана Австрийского вдребезги разбил корабли сарацин и египтян. Третье подобное событие произошло в более позднюю эпоху, в 1805 году, около Гибралтарского пролива, у мыса Трафальгар. Здесь знаменитый адмирал Нельсон, оставшийся от предыдущих боев с одним глазом и одной рукой, командуя английским флотом, одержал блестящую победу над соединенным франко-испанским флотом, находившимся под начальством адмиралов Вильнева и Гравина. Нельсон погиб, но союзники потеряли при этом адмирала Гравина, девятнадцать кораблей и почти весь личный состав.

Четвертое сражение имело место в дальневосточных водах, при острове Цусима, во время Русско-японской войны, а именно 14/27 мая 1905 года. Оно также принадлежит к величайшим мировым событиям. Но об этом будет речь впереди, а пока я расскажу, на основании какого материала построено это произведение и почему возникло оно спустя двадцать пять лет после сражения.

В этом бою, исключительном по своей драматической насыщенности, я сам принимал участие, находясь в качестве матроса на броненосце «Орел». Неприятельские снаряды пощадил меня, и я попал в плен. Несколько дней мы пробыли в бараках одного японского порта, потом нас перевезли на южный остров Киу-Сиу, в город Кумамота.

Здесь в лагерь, расположенный на окраине города, мы были водворены на долгое время — до возвращения в Россию.

Я хорошо понимал всю важность события, происшедшего при Цусиме, и немедленно принялся заносить свои личные впечатления о своем корабле на бумагу. Потом начал собирать материал о всей нашей эскадре. Но одному человеку справиться с такой огромной задачей было немыслимо. Я организовал вокруг себя человек пятнадцать наиболее развитых матросов, близких своих товарищей. Они с увлечением начали помогать мне. Большим удобством для нас являлось то, что в этом лагере были сосредоточены команды почти со всех судов, принимавших участие в Цусимском бою. Приступая к описанию какого-нибудь корабля, мы прежде всего интересовались, как была организована служба на нем, какие взаимоотношения сложились между офицерами и нижними чинами, а потом уже собирали сведения о роли этого корабля в бою. Уже тогда многие боевые суда настолько были сложны и громадны, что люди одного отделения не всегда могли знать, что творится в другом. Поэтому нам пришлось, задавая участникам боя вопросы, расследовать каждую часть корабля отдельно. Что, например, происходило, начиная с утра 14 мая и до окончательной развязки в боевой рубке, в башне такой-то, в каземате таком-то, в батареейной палубе, в минном отделении, в машине, кочегарке, в операционном пункте? Кто и что при этом говорил? Какие распоряжения исходили от начальства и как они исполнялись? Какова наружность отдельных личностей, их привычки и характер? Как некоторым представлялся бой, наблюдаемый с описываемого нами корабля? И так далее, вплоть до незначительных мелочей.

Матросы охотно и откровенно рассказывали нам обо всем, ибо перед ними были такие же товарищи, как и они, а не официальная комиссия, составленная, как это было впоследствии, из адмиралов и офицеров при Главном морском штабе. Если кто-либо из опрашиваемых гово-

рил неверно, то сейчас же другие участники боя вносили поправки. А потом некоторые матросы начали сами приносить мне свои тетради с описанием какого-нибудь отдельного эпизода. Таким образом, через несколько месяцев у меня собрался целый чемодан рукописей о Цусиме. Этот материал представлял собою чрезвычайную ценность. Можно смело утверждать, что ни об одном морском сражении не было собрано столько сведений, сколько у нас о Цусиме. Изучая подобный материал, я имел ясное представление о каждом корабле, как будто лично присутствовал на нем во время схватки с японцами. Нужно ли добавлять, что наши записи не были похожи на официальные описания этого знаменитого сражения?

Но случилось так, что наша работа погибла, погибла самым нелепым образом.

Об этом, несколько торжествуя, повествует артиллерийский офицер с броненосца «Ушаков», лейтенант Н. Дмитриев, в своих воспоминаниях «В плену у японцев», помещенных в журнале «Море» за 1908 год, № 2. Правда, сам он находился в городе Сендае и поэтому не мог знать, что у нас случилось, но он приводит письма, полученные от своих нижних чинов из Кумамота. В одном из таких писем унтер-офицер Филиппов говорит:

«Люди из числа команды «Орла», «Бедового» и других сдавшихся кораблей стараются здесь возмутить пленных и нашли себе ярых сообщников и при помощи их стали распространять книги политического содержания и газеты с ложными слухами о России, а всего более стараются посеять вражду у команды к своим офицерам. К счастью, из числа пленных нашлись люди более благоразумные и предупредили их вовремя, не дав распространиться этому злу.

9/22 ноября команда, выведенная из терпения их поступками, избила их агитаторов. Двое из них едва ли останутся живы, остальных же забрали японцы. Все их книги и записки предали огню, а также и машинку печатную обратили в лом».

Другой матрос начинает свое письмо со слов: «Всемилоштивейшему государю моего благородию», а потом рассказывает о разных делах революционеров.

«Хотя они и делали это тайно, — пишет дальше матрос, — но скоро это стало явным.

8 ноября приходил к нам армейский офицер известить, что начали отправлять пленных во Владивосток и что там сделали бунт.

Он просил нас, чтобы мы, когда будем отправляться, вели себя степенно и не бунтовали.

В то же время эти же самые политические развратители кричали: «Бей его, бей!»

Тогда офицер видит, что делают беспорядки, и ушел, но в это время, когда они кричали, то некоторые матросы записали этих бунтовщиков.

На другой день 9 ноября, вся команда, которая не желает, чтобы враги нашего дорогого отечества срамили его, то команда подняла на них бунт, чтобы истребить всех людей, которые против государя и правительства среди нас, пленных, собрались.

Мы сошлись возле канцелярии и возле барака, где находились эти развратные люди, и когда мы стали просить у них разные политические книги и списки, то они вооружились ножами и дерзко поступали с командой».

Дальше в этом льстивом письме упоминается, как пленные сожгли мои «книги и записки».

А теперь я от себя расскажу, как было дело.

В Японию, когда там скопилось много наших пленных, прибыл доктор Руссель, президент Гавайских островов, а в прошлом — давнишний русский политический эмигрант. Он начал издавать для пленных журнал «Япония и Россия», на страницах которого я тоже иногда печатал маленькие заметки. С первых номеров, по тактическим соображениям, журнал был весьма умеренный, но потом постепенно становился все революционнее. Помимо того, доктор Руссель занялся распространением среди пленных нелегальной литературы. В Кумамота литература эта получалась на мое имя. Ко мне приходили люди со всех барачков, брали брошюры и газеты. Сухопутные части читали их с оглядкой, все еще побаиваясь будущей кары, матросы были смелее.

Это проникновение революционных идей в широкие военные массы встревожило некоторых офицеров, проживавших в другом кумамотском лагере. Они начали распространять разные слухи среди пленных нижних чинов, говоря: все, кто читает нецензурные газеты и книжки, переписаны; по возвращении в Россию их будут вешать.

Наступила осень. В августе Россия заключила мир с Японией, но нас на родину не отправляли. Это обстоятельство очень волновало пленных.

Однажды вечером, 8/21 ноября, к нам в лагерь пришли два офицера: армейский штабс-капитан и казачий есаул. Они завели беседу с нижними чинами. Вокруг канцелярии собрались сотни две солдат и несколько десятков матросов. Оба офицера стояли на крыльце, настороженно оглядывая публику. Больше разговаривал казачий есаул. Пожилой человек с проседью в густой бороде. Он расспрашивал, как у нас проходит жизнь. Кто-то, обращаясь к нему, осведомился:

– А правда, ваше высокоблагородие, что в России теперь свобода объявлена?

Есаул насильно улыбнулся и сказал:

– А для чего вам свобода нужна? Матерно вы всегда могли свободно ругаться.

Тут же другой солдат, сорокалетний усатый мужчина из запасных, задал давно наболевший вопрос:

– Ваше высокоблагородие, почему нас на родину не отправляют? Мир давно заключен, а мы все здесь прозябаем.

В ожидании ответа все притихли.

Есаул, продолжая улыбаться, промолвил:

– Вот вам чего захотелось – на родину попасть. Не увидите вы ее больше совсем!

– То есть как это понять? – недоумевая, снова спросил усатый солдат и придвинулся к крыльцу ближе, испуганно раскрыл рот.

Теперь тревога пробежала по лицам остальных пленных, все вытянули шеи и в напряженном молчании уставились в лицо есаула.

Он сделался вдруг серьезным и продолжал:

– Я вам, братцы, сейчас поясню, в чем тут дело. Среди вас, пленных, завелись политиканы. Несомненно, они подкуплены японцами. Эти политиканы распространяют разные вредные книжки, которые издаются на средства наших врагов и внушают вам пакостные мысли, что не надо царя, правительства, религии. Для чего это делается? Чтобы посеять среди православного народа смуту, всеобщую резню, анархию. А в России, как вам уже известно, и без вас творится бог знает что – всюду идут беспорядки, бунты. Кто из вас поумнее, тот сразу сообразит, что из этого должно получиться. Разве царю неизвестно, что политиканы, эти продажные твари, развратили вас совсем? А раз так, то неужели он, по вашему мнению, настолько глуп, чтобы заплатить японцам деньги и вывезти вас на свою голову? Ведь никто не стал бы выручать своих врагов из бедственного положения, зная заранее, что, кроме вреда, от них ничего не получишь. Нет, не бывать вам на родине! Вы пропадете здесь.

Казачий офицер попал в точку. Его доказательства показались настолько убедительными, что большинство не сомневалось в их правдивости. И на самом деле, ведь есть же какая-нибудь причина, что после заключения мира так долго не отправляют пленных в Россию.

Кто-то из матросов крикнул:

– Нашли, дурачье, кого слушать! Брешет он!

Пленные, волнуясь, загалдели.

Есаул, выждав момент, возвысил голос:

– Это я-то, казачий офицер, верный слуга отечества, и вдруг – брешу? Если хотите знать, я три раза был ранен на фронте.

Ему, вероятно, впервые пришлось услышать от нижнего чина дерзкие слова обиды. Потрясенный, он как-то странно задергал головой. Неожиданно для всех он заплакал, а потом

снял свою фуражку и, показывая на седеющие волосы, начал выкрикивать с какой-то внутренней болью:

– Если вы мне не верите, то поверьте моим седым волосам, что я правду вам говорю. У каждого из вас есть мать. Что может быть дороже имени матери? Я клянусь именем матери своей, что ваши кости будут зарыты в японской земле. Я говорю это только потому, что мне искренне жаль вас.

Казалось, охваченный предательским вдохновением, он сам верил в то, что говорил. Это произвело на солдат потрясающее впечатление. В особенности встревожились запасные. У каждого из них постоянные думы о далеком доме и о покинутой семье давно изглодали сердце. Послышалось возгласы, раздраженные и тоскливые:

– Ах, мерзавцы! Ах, политиканы! Что они с нами сделали!

– А у меня дома дети остались...

– Пропала для нас родина...

Момент для возражения офицеру был пропущен. Каждое слово с нашей стороны могло бы вызвать у солдат взрывы негодования. Растравленные и на время ослеплённые, они готовы были сейчас же обрушить свою месть на кого угодно – и за пережитую боль разлуки с родными, и за все невзгоды, и за тяготы удлинившегося плена.

Кто-то из пленных в отчаянии завопил:

– Ваше высокоблагородие, что же теперь нам делать?

На это немедленно последовал ответ, холодный и суровый, как металлический лязг ружейного затвора:

– Надо хорошенько проучить этих политиканов. А потом царю-батюшке прошение напишите. Может быть, он смилуется над вами и простит вас.

Офицеры исчезли, но мысль, брошенная ими, как ночная зловещая птица, перелетала из одного барака в другой, внося брожение в среду пленных.

На следующий день, после завтрака, к бараку 2, в котором я жил, начали подходить солдаты. Когда их собралось несколько десятков, они потребовали на расправу меня и ближайшего моего помощника, минера с ослябской команды Константина Степановича Болтышева. В бараке жило сто пятьдесят матросов, и мы легко отбили нападающих. Но вообще в лагере сухопутных пленных было в два раза больше, чем моряков. Толпа быстро росла, увеличивалась, окружая наш барак со всех сторон. Некоторые солдаты вооружились топорами, взятыми из кухонь, другие – дрекольями и камнями. Раздавались выкрики:

– Новикова давай сюда!

– А еще Болтышева!

– Обоих этих злодеев на суд народный!

Перед этой грозной силой в нашем бараке один по одному начали исчезать матросы, пока не осталось двенадцать человек верных товарищей. Они сами себя обрекли на гибель. Что мы могли поделать против трехтысячной толпы! Я несколько раз пытался уговорить ее, но это было так же бесполезно, как бесполезно кричать в бурю на морские волны, лезущие на борт судна. Здесь была та же стихия. У дверей и у всех окон сгрудился народ, горланя на все лады. И чем дальше, тем сильнее бесновались эти люди, хмелея от своей собственной ярости. Мысли стыли от ужаса, когда я смотрел на их напряженно вздувшиеся лица, съехавшие набок рты, вывернутые глаза. Никаких сомнений не оставалось, что меня и моих товарищей не только убьют, но будут еще и издеваться над нашими трупами. Случайно выйти живым из цусимского ада и через несколько месяцев на далекой чужбине погибнуть от рук своих соотечественников – что еще может быть несуразнее этого? Я понял тогда, быть может, в первый раз, что такое толпа. Совсем еще недавно я был для нее до некоторой степени вождем, она всячески приветствовала меня, а теперь она готовилась с неумолимой жестокостью меня растерзать, в надежде, что этим она облегчит свою судьбу.

Через барак начали проходить солдаты, но никто из них не решился первым броситься на нас. Дело в том, что среди пленных распространились слухи, будто бы у нас имеются револьверы, бомбы, адские машины. Это на время нас спасло. На самом же деле мы были вооружены только японскими ножами, похожими на кинжалы. Каждый из нас под полой шинели, накинута на плечи, держал наготове такой нож.

Один солдат, проходя мимо, держал в правой руке бутылку с песком. По-видимому, он намеревался ударить ею меня по лбу, чтобы раскроить мне голову и сразу ослепить песком. Его расчеты были построены на том, что я с запорошенными глазами не сумею попасть в него из несуществующего револьвера. Но в последний момент он не решился на это и запустил бутылку издалека. Она попала в моего товарища Голубева и рассекла ему скулу.

Приближался конец.

Старшина барака, боцман гвардейского экипажа Василий Червоненко, с любезной таинственностью предупредил нас:

– Сейчас подожгут барак. Уже за жердью побежали. Вы сгорите живьем.

Барак был сделан из теса и покрыт сухой рисовой соломой. Он вспыхнет весь в несколько минут. Нам придется корчиться в огне.

От слов Червоненко на меня дохнуло средневековым. Я вздрогнул, словно меня коснулось уже пламя костра. За пределами нашего жилья буйствовал неукротимый гомон трех тысяч человек, а в моем потрясенном сознании, в сокровенных тайниках его, словно комариная песня, жалко звучала фраза, слышанная мною сотни раз: «Глас народа – глас Божий». Я переглянулся с Болтышевым. Это был здоровенный парень, широкоплечий, грудастый, черноголовый, с крепкими, как манильский трос, мускулами. Немного согнувшись, он принял напряженную позу и дышал тяжело и зло, а карие глаза его ушли под лоб и остро следили за всем из-под нахмуренных бровей, как из-под забора. Какое-то движение произошло в моих мозговых клетках, толкая меня на отчаянный шаг, и я сказал, обращаясь к Болтышеву:

– Костя, нам самим следует напасть на них.

Он как будто ждал моего предложения и с решимостью ответил:

– Да, я первый пойду.

С этим согласились остальные.

Болтышев двинулся к выходу. Мы последовали за ним. Пока мы шли к двери, мне казалось, что во всей Вселенной ничего больше не осталось, кроме этой оравы людей, жаждавшей превратить нас в кровавое мясо. Что-то зоологическое проснулось и во мне, как будто я никогда не читал прекраснейших книг гениальных творений, призывавших к человеколюбию. Каждый мускул мой напрягся. Единственная мысль, холодная и ясная, как луч в морозное утро, пронизывала мозг: не промахнуться бы и ловчее нанести удар врагам. Как только Болтышев показался на крыльце, еще сильнее заколотились стадные выкрики, и сотни рук протянулись к нему, словно за драгоценной добычей. И в этот решительный миг я отчетливо услышал, как чей-то голос необыкновенно высокой ноты, выделяясь из общего клопочущего рева толпы, взвился над человеческими головами и будто повис в воздухе:

– Зарезали! За-ре-за-ли!..

Передние ряды солдат дрогнули, на секунду смолкли. Я увидел искаженное лицо раненого, широко раскрытый рот, мелкие зубы и выпученные большие глаза, повисшие над щеками, как две мутные электрические лампочки. А затем запечатлелся Болтышев. Иступленный, с лицом безумца, он высоко поднимал нож, обагренный кровью. Мы тоже, сбросив с плеч шинели, подняли ножи. И тут случилось то, чего мы не ожидали: трехтысячная толпа метнулась от нас в разные стороны. Охваченные паникой, солдаты бежали вдаль по широкой улице, сшибая друг друга, кувыркаясь, бежали так, как будто они никогда не бывали на фронте... Некоторые, гонимые слепым страхом, полезли под крыльцо. Мы преследовали их недолго, а потом, опомнившись, увидели, что вокруг нас никого нет. Тогда и мы в свою очередь, все две-

надцать человек, бросились из лагеря в город и бежали, путаясь по улицам, до тех пор, пока не арестовала нас полиция.

Мы были посажены в японскую тюрьму.

А через два дня я от японского переводчика узнал, что солдаты, озлобленные на меня, собрали все мои вещи, книги и чемодан с рукописями, все это вынесли из барака наружу и сожгли на костре.

Переводчик, рассказавший мне об этом, добавил, хитровато шуря черные глаза:

– Настоящая война была. С одной стороны – несколько раненных ножами, с другой – после вашего бегства двоих так изувечили, что едва ли будут живы.

Так погиб весь мой материал о Цусиме.

Я был настолько потрясен, что не спал целую неделю. Со мной начались припадки. Я с благодарностью вспоминаю японского доктора, который избавил меня от сумасшедшего дома.

Японцы, произведя дознание по нашему делу, пришли к заключению, что наше бегство было вынужденным, и хотели вернуть нас в лагерь. Но мы сами просили их задержать нас в тюрьме подольше. Недели две спустя они перевели нас в помещение, находившееся при одном госпитале. Здесь мы жили свободно, без караула. Могли ходить по городу. Из лагеря к нам приходили матросы. От них мы узнали, что после погрома многие солдаты раскаиваются в своих поступках. Кстати сказать, что такие погромы с жертвами, иногда большими, прокатились по всем городам Японии, где только находились русские пленные.

Произошел раскол и в среде пленных офицеров: еще до объявления в России свобод, непосредственно после Цусимы, показавшей всю отсталость нашего флота и уродливость самодержавного строя, некоторые из них стали революционерами. К данному времени, когда среди нас произошло описываемое событие, число их значительно возросло. И вот в Кумамота приехали из другого города такие именно офицеры, главным образом флотские, с броненосца «Орел». Они устроили в нашем лагере митинг и объяснили пленным смысл царского манифеста о свободах.

– Вся Сибирская железная дорога находится в руках революционеров! – смело выкрикивал флотский офицер, окруженный слушателями в две тысячи человек. – Если только они узнают, что вы восстаете против свободы, то как они отнесутся к вам? Неужели вы думаете, что таких мракобесов, какими вы проявили себя, они повезут в Россию? Вам придется шагать через всю Сибирь пешком. Скажу больше, что еще до того, как вы тронетесь из Японии и будете переезжать во Владивосток на пароходах через море, революционные матросы выкинут вас за борт.

Теперь никто из пленных уже не сомневался, что в России действительно объявлена свобода. Иначе офицеры не стали бы так открыто выступать. Опять заахали солдаты. На этот раз начали избивать тех главарей, которые устроили погром против нас. А насчет нас из каждого барака поступило в японскую канцелярию прошение за подписью старшин. В них, в этих прошениях, говорилось, что мы первые люди на свете и что мы пострадали невинно, а потому мы немедленно должны быть возвращены в лагери, за нашу неприкосновенность все ручаются.

Целый месяц мы прожили вне лагеря. Возвращаясь с товарищами в свой барак № 2, я не переставал испытывать страх перед толпой, изменчивой и капризной, как морской ветер. Пленные встретили нас очень торжественно – с красным флагом, с революционными песнями. Меня качали, выкрикивая «ура». Но, подбрасываемый вверх десятком здоровых рук, я покрывался холодной испариной и чувствовал себя так же, как, вероятно, чувствовал бы себя котенок в лапах забавляющегося с ним тигра.

Будучи еще в японской тюрьме, я начал восстанавливать погибший материал о Цусиме по памяти. В лагере эта работа продолжалась. Опять мне помогали товарищи, опять мы допрашивали матросов. Мы торопились, однако собрать сведения обо всей эскадре уже было нельзя: кончился наш плен. Гибель многих кораблей осталась необследованной.

Наш поезд, наполненный одними матросами, давно оставил Владивосток и, громахая сцепами и буферами, неторопливо катился по длинному одноколейному пути железной дороги. Иногда эшелон отстаивался на закупоренных станциях по два-три дня, ожидая своей очереди отправиться дальше. Как велика показалась нам Сибирь с ее таежной глухоманью, с горными хребтами, со степными просторами, с редким населением! Трудное это было путешествие. Длилось оно шесть недель. В каждой теплушке было по сорок человек, одетых в дубленые полушубки с деревянными застежками, в лохматые папахи, в пимы и потому потерявших всякий облик военных матросов. Февральские морозы сменялись завывающей пургой. Беспредельно топила печь, но она согревала теплушку неравномерно: на нарах нельзя было спать от жары, а под нарами даже в шубе пробирал холод. Мы ни разу не мылись в бане, покрылись слоем грязи и совсем обовшивели. На питательных пунктах кормили отвратительной бурдой, а хлеб получали мерзлый и настолько жесткий, что его распиливали на порции пилой или рубили топором. Матросы, раздраженные всем этим, буйствовали и громили станции. А в это время в Сибири свирепствовали карательные отряды генералов Ренненкампа и Меллер-Закомельского. Некоторые из нашего эшелона попались им и сложили свои головушки, будучи уже на пути к родине.

Я больше всего беспокоился о своем цусимском материале. Вдруг генералы вздумают произвести обыск в наших вагонах? Что тогда со мной будет? Но все обошлось благополучно: в марте я добрался до своего села Матвеевского Тамбовской губернии. Здесь меня ожидал новый удар – умерла моя любимая мать всего лишь за две недели до моего приезда домой.

На родине я неожиданно получил номер газеты «Новое время» (от 1 апреля 1906 года, № 10793), где был напечатан мой очерк. Очерк напомнил мне матроса Ющина, с которым я познакомился в плену у японцев. Он плавал марсовым на эскадренном броненосце «Бородино». Во время боя при Цусиме это судно погибло. Ющин спасся; могила возвратила его к жизни.

Я расспросил его о пережитой им катастрофе и с его слов написал «Гибель броненосца „Бородино“». Мне нетрудно было восстановить картину гибели судна – я сам плавал на однотипном судне и сам участвовал в сражении. Поэтому, когда я прочитал свой очерк Ющину, он одобрительно заявил:

– Все правильно. Выходит так, словно ты сам был у нас на судне. Перепиши, браток, мне на память.

Я исполнил его просьбу.

Увидав напечатанное свое произведение, значительно исправленное редакцией в смысле идеологии, я испытал нехорошее чувство: обидно было, что я, революционно настроенный, впервые напечатался в таком консервативном органе.

Кто же, однако, подсунул меня в «Новое время»?

Революционные шквалы, возникая в столицах, неслись дальше, к глухим провинциальным городам и деревням, потрясая ветхозаветный быт российской жизни. Это была пора, когда никто из сознательных людей не мог оставаться безучастным зрителем. В конце лета, преследуемый царской полицией, я скрылся из своего села и попал в Петербург. Соплаватели мои, участники Цусимского боя, устроили меня письмоводителем у Топорова, помощника присяжного поверенного. Это был прекрасный человек. Он разрешил мне пользоваться своей библиотекой.

В Петербурге выяснилось, каким образом очерк без моего ведома попал в печать. Это сделала жена погибшего командира броненосца «Бородино», вдова Серебренникова. В столице с нею встретился марсовый Ющин и показал ей мою тетрадь. Серебренниковой мой очерк понравился, и она сейчас же отправила его в «Новое время».

Изредка я встречался со своими прежними сослуживцами, с товарищами матросами. Почти все они, захваченные общим революционным подъемом еще в японском плену, участвовали в революционных организациях.

Как-то собрались мы на квартире одного товарища. Вспоминали о Цусиме, а потом захотелось гульнуть, но денег ни у кого не было. Один из товарищей обратился ко мне:

– Ты с «Нового времени» за свое сочинение ничего не получил?

– Нет.

– Так что же ты смотришь, голова?

Я тоже слышал, что редакции платят за статьи какой-то гонорар, но было стыдно идти, и я отнекивался:

– А вдруг откажут? Да еще дураком назовут...

– Не имеют права, раз твое сочинение напечатали. А смотришь – трещинка или вся пятерка перепадет тебе. Вспрыснем тогда свою первую литературную работу.

Идея была дана, ее подхватили другие и начали уговаривать меня:

– Разве можно упускать такие деньги? Мы тоже с тобой пойдем.

В конце концов я согласился с ними, и мы, восемь человек, отправились получать гонорар.

У подъезда «Нового времени» пятеро остались на улице, а я и еще двое матросов пошли в редакцию. Ноги мои плохо слушались, лицо горело, как будто я собирался совершить какое-то преступление, но меня подбадривали мои товарищи:

– Страшнее Цусимы не будет. Чудак!

В редакции, показывая свои документы, я заплетаясь языком объяснил о цели своего прихода. Пожилой человек с раздвоенной бородкой, слушая меня, снисходительно улыбнулся. А потом навел справки и объявил мне:

– Гонорар вы можете получить. Но предварительно вы должны достать согласие на это Серебренниковой, жены покойного командира. Через нее ваш материал поступил в редакцию. Адрес ее у нас имеется.

Мы гурьбой отправились разыскивать нужный нам дом. На этот раз все мои товарищи остались у ворот, а я один через черный ход добрался до кухни.

Вдова Серебренникова, когда узнала, что я – автор очерка, пригласила меня в роскошный зал. Она благодарила меня, что я дал о ее муже хороший отзыв. Я на это ответил:

– Ваш покойный муж был знающий командир и прекрасный человек. Команда очень любила его.

Говоря так, я нисколько не льстил ей. Он действительно был таков. В молодости он сочувствовал народникам, и это не прошло бесследно.

– В вашем изображении получилась страшная картина гибели корабля. Какой ужас пережил мой покойный муж! До сих пор я хожу, словно в кошмаре...

Она заплакала.

Через полчаса, с письмом в кармане, мы уже мчались в редакцию. Опять двое сопровождали меня наверх. После каких-то формальностей мы втроем двинулись к кассе. Мне сказали:

– Распишитесь и получите пятьдесят два рубля.

Я ошолбенел от названной суммы. Она мне казалась невероятной.

Я робко переспросил:

– А вы не ошиблись?

В этот момент с одной стороны товарищ дернул меня за полу пиджака, а с другой – я получил в бок толчок, означавший, что я круглый дурак. Кассир тоже обиделся на меня и строго заговорил:

– Какая же здесь может быть ошибка? Пятьсот двадцать строчек. По десять копеек за строчку. Итого пятьдесят два рубля.

Мучительно долго я расписывался, выводя дрожащим пером буквы, но вниз мы сбежали с такой быстротой, как будто спускались на крыльях.

Я с гордостью заявил остальным товарищам, потрясая деньгами:

– Вот они – пятьдесят два целковых!

– Пятьдесят два? – словно вздох, вырвалось у них.

– Да.

Возвращались мы домой бодрым шагом. У каждого из нас был какой-нибудь кулек. Мы несли водку, вина и массу разных закусок. Почти на все деньги закупили.

В полуподвальном помещении на большом столе разложили закуски, поставили выпивку.

– Ну, друг Алеша, за твой литературный успех!

Чокались, выпивали, закусывали. В комнате становилось все шумнее. Товарищи, возбужденные, говорили мне:

– Ведь матросом был! Любой начальник мог тебе всю физию расквасить. А теперь стал литератором. Каково, а? Вон куда махнул!

* * *

Революционные бури 1905 года, грозно вздыбившие Россию, шли на убыль, истощались. Барометр буржуазно-помещичьего быта показывал, что наступает передышка от социальных потрясений. Но мы были молоды и буйны сердцем. Казалось, что никакие темные силы не заглушат нашего пламенного порыва в грядущее. И мы давали друг другу клятву, что будем бороться за свободу до конца.

Друзья, обращаясь ко мне, наказывали:

– Друг наш Алеша! Больше пиши! Опиши всю нашу жизнь, все наши страдания. Пусть все знают, как моряки умирали при Цусиме. Вот!

Другие добродушно смеялись:

– А насчет гонорара не сомневайся. Тут мы всегда будем с тобою. В любую редакцию пойдем.

Это был самый веселый праздник в моей литературной жизни.

Где вы находитесь теперь, мои милые друзья? Я знаю, что двоим из вас не удалось подышать воздухом свободы, за которую вы так страстно и беззаветно боролись. Гальванер Голубев вскоре был арестован и повешен в Кронштадте. Гальванер Феодосий Яковлевич Алференко, как видно из письма его племянника, замученный царскими опричниками, умер в Нежинской тюрьме в 1910 году. А где остальные товарищи, сражавшиеся в первых рядах против оплота самодержавия? Ваш наказ и свою мечту мне пришлось осуществить только после Октябрьской революции – я написал «Цусиму».

* * *

Несколько месяцев я обретался в Петербурге, в Финляндии, а потом, когда наступила жесточайшая реакция, уехал за границу.

Только в 1913 году я опять вернулся, уже по чужому паспорту, домой, где прожил несколько дней, никому не показываясь.

Родной брат мой Сильвестр, который был на шестнадцать лет старше меня, любитель чтения, пробудивший и во мне жажду знания, когда я был еще юношей, встретившись после долгой разлуки со мной, рассказывал:

– Что тут было без тебя! Одолели совсем – пристав, урядники и стражники. То обыски производят, то с дознаниями пристают. Все допытывались, куда ты скрылся. И литературу твою им вынь да положь. Года два так мытарил. А я с твоим добром метался как чумной. Сжечь

все это – жалко. Спрячу в сарай – нет, думаю, найдут. Несу в ригу, из риги в одонье. Потом сложил все твои книжки, газеты, письма в жестяные банки, запалял их и зарыл в землю.

Брат все разыскал мне, кроме самого главного – материала о Цусиме. Это повергло меня в такое отчаяние, как будто я потерял родное детище. Ошеломленный, я с минуту смотрел молча в лицо брата, круглое, лобастое, обросшее до висков черной кудрявой бородой, а потом, заметив в его серых глазах недоумение, рассказал, как сожгли мои рукописи в плену, как я снова частично восстановил их и с каким трудом мне удалось все это вывезти из Японии.

– Теперь понимаешь, что случилось? – стоном вырвалось у меня.

Он схватился за голову.

– Хоть убей – забыл, куда спрятал все твои бумаги. Знаю, что целы. Некуда им пропасть, – и начал оправдываться: – Да ведь они, богомерзкие хамы, полицейские эти самые, отобьют память у кого угодно. Попадись им твоя литература или записка – не миновать бы мне прогуляться в самую Сибирь.

Брат обшарил все свое хозяйство, но так и не мог утешить меня. Я махнул на все рукой. Племянник мой Георгий, устроив сделку со старшим волостным писарем, выправил мне бессрочный паспорт. Я уехал сначала в Петербург, а потом переселился в Москву, где проживал на полулегальном положении.

Прошло еще несколько лет. Брат мой умер. Вместо него, вернувшись из Красной Армии, в доме остался хозяйничать его сын и мой племянник, Иван Сильвестрович.

Царская цензура пропускала мои произведения с трудом. Поэтому, несмотря на обилие имевшегося у меня литературного материала, я писал мало и печатался редко. И только после революции наступила возможность заниматься исключительно литературной работой.

С родными местами у меня осталась связь лишь та, что я почти каждый охотничий сезон бываю там на охоте. Это заменяет санаторий, укрепляет здоровье, освежает голову и дает много новых наблюдений. Так было и в 1928 году. Вместе со мной поехали на весеннюю охоту писатели: Павел Низовой, Александр Перегудов, Петр Ширяев и Леонид Завадовский. Недели две мы прожили в лесу, среди болот, а затем, перед возвращением в Москву, заехали в село Матвеевское, к моему племяннику. И вот в то время, когда мы только что кончили чай, Иван Сильвестрович положил передо мной на столе несуразно продолговатую связку бумаг, перехваченных крест-накрест мочалкой:

– Кажется, пригодятся тебе, – сказал племянник, улыбаясь и глядя на меня светло-серыми глазами, и сам стал поодаль от стола, небольшой, крутоплечий, в поношенном коричневом френче.

Я сразу узнал знакомые бумаги и вскрикнул:

– Откуда ты это достал?

Усевшись за стол, он начал объяснять:

– Знаешь колодные ульи под сараем около бани? Они, вероятно, были сложены там, когда ты еще не уходил на военную службу. Так вот, сарай этот стал заваливаться. Как тебе известно, я на своей пасеке перешел на рамчатую систему. Значит, сложенные под сараем колодные ульи мне стали не нужны. Решил я их перебрать: годные, думаю, продам, а сгнившие выкину совсем. Открываю в каждом колодезю, заглядываю во внутренность. Смотрю – в одном из них связка бумаг. Стой, думаю, находка! А я еще от покойного отца слышал, что он затерял какие-то важные твои бумаги, и это его мучило много лет.

Возбужденный, я дрожащими руками распустил на связке мочалку и, бросая ликующий взгляд на своих приятелей, сказал:

– Нашлись все мои записки о Цусиме! Двадцать два года пропадали! И снова очутились в моих руках. Только бы в целости довести их до Москвы.

Я еще не читал найденного материала, но достаточно было только взглянуть на эти тетради, блокноты и листы бумаги с поблекшими чернилами, чтобы все то, что в них записано,

начало воскресать в таинственных извилинах моего мозга. Прежним заглушим впечатлениям был дан толчок, и они, всплывая из глубины памяти, немедленно пришли в движение, как на экране. Перед внутренним взором души с поразительной ясностью возникли жуткие картины Цусимского боя с такими деталями, о которых я давно забыл.

Вернувшись в Москву, я немедленно принялся за новую работу. Конечно, пришлось пользоваться при этом не только своими записями, но и официальными документами архивов, до революции находившимися под запретом. О Цусимском бое я перечитал все, что только было написано русскими и иностранными авторами, изучил показания, данные перед следственной комиссией адмиралами, офицерами и матросами, освоился с судебными протоколами о сдаче некоторых кораблей в плен, познакомился и с японскими источниками. Нужно было разобраться во всем этом ворохе книг, документов и частных записей, сличить один материал с другим, чтобы выбрать зерно правды и отбросить всякую шелуху и выдумки, скопившиеся вокруг всего дела.

Кроме того, я мобилизовал себе на помощь участников Цусимского боя. С одними я вел переписку, с другими неоднократно беседовал лично, вспоминая давно минувшие переживания и обсуждая каждую мелочь со всех сторон. Таким образом, собранный мною цусимский материал постепенно обогащался все новыми данными. В этом отношении особенно большую пользу оказали мне следующие лица: корабельный инженер В. П. Костенко, Л. В. Ларионов, боцман М. И. Воеводин, старший сигнальщик В. П. Зефирин и другие. Ни одной главы я не пускал в печать, предварительно не прочитав ее своим живым героям. И все же, несмотря на такой обильный материал, книга была бы написана по-другому, если бы я сам не пережил Цусимы и не испытал ужасов этой беспримерной трагедии.

Книга первая. Поход

Часть первая. Под Андреевским флагом

*...Погибель верна впереди,
И тот, кто послал нас на подвиг ужасный, —
Без сердца в железной груди.
Мы – жертвы!.. Мы гневным отмечены роком...
Но бьет искупления час —
И рушатся своды отжившего мира,
Опорой избравшего нас.
О день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидим восход!
Но если так нужно – возьми наши жизни...
Вперед, на погибель! Вперед!*

П. Я.

1. Я получаю назначение

Сентябрь укорачивал дни и удлинял ночи. По утрам чувствовалась приятная прохлада. Прозрачнее становились дали, яснее вырисовывались берега, омываемые водами Финского залива. Вчера учебно-артиллерийский отряд вернулся из плавания в Кронштадт и, отсалютовав семью выстрелами крепости, бросил якорь на большом рейде. Отряд возглавлял флагманский крейсер 1-го ранга «Минин», на котором я проплавал в качестве баталера летнюю кампанию 1904 года. Кончалась наша кампания. Ожидали приказа главного командира Балтийского флота втянуться в гавань и разоружиться. И наши корабли останутся там на всю зиму, скованные льдами до следующей весны. А мы переселимся во флотский экипаж, в огромный трехэтажный кирпичный корпус, что стоит на Павловской улице.

Был полный штиль. Безоблачная высь по-летнему обдавала теплом. На востоке смутно обозначался Петербург, подернутый сизой дымкой. А если посмотреть в обратную сторону, то перед взором, постепенно расширяясь, все просторнее развёртывался водный путь. Он вел к Балтийскому морю, исчезая в безбрежности и отливая свинцовым блеском. Там, в солнечных лучах, мерещился Толбухин маяк, как одинокий перст, показывающий курс морякам.

Из Кронштадта, из Петровского парка, оттуда, где стоит памятник первому создателю русского флота, докатился до нас выстрел пушки, возвестивший полдень. На кораблях, отбивая склянки, зазвонили в колокола. Вместо послеобеденного отдыха я ушел на бак, уселся на палубу и, привалившись к чугунному кнехту, занялся чтением газет. Вокруг меня, слушая чтение, расположилось десятка три матросов, все в парусиновой одежде, все босые. Одни сидели в различных позах. Другие лежали, подложив кулаки под голову. Война с Японией возбудила особый интерес к газетам.

Несмотря на строгость цензуры, мы хорошо знали, что дела наши на Дальнем Востоке идут плохо. Наши руководители, ослепленные прежней славой, думали, победоносно сокрушив врага, подписать мир не иначе как в японской столице Токио. Но вышло по-иному. Русские сухопутные войска, не выдерживая натиска противника, отступали из Кореи в Маньчжурию. Порт-Артур был осажден. 1-я Тихоокеанская эскадра, заблокированная в этом порту неприятельским флотом, бездействовала.

Вторая тихоокеанская эскадра в Ревеле. Сентябрь 1904 г. Высочайший смотр

А сегодня с большим опозданием напечатана статья, в которой более или менее подробно сообщалось о двух сражениях на море. Сущность статьи была такова:

28 июля 1-я Тихоокеанская эскадра сделала попытку прорваться во Владивосток, но кончилось это полной неудачей. С рассветом наша эскадра стала вытягиваться на рейд, а к двенадцати часам в сорока милях от Артура она встретилась с японцами. Произошла первая перестрелка на дальней дистанции. С нашей стороны участвовали в бою шесть броненосцев, которые вел «Цесаревич» под флагом адмирала Витгефта. Против них адмирал Того, держа свой флаг на броненосце «Микаса», выставил четыре броненосца и три бронебойных крейсера. Мелкие суда с той и другой стороны на ход событий почти не влияли. Вскоре обе эскадры разошлись контргалсами, не причинив друг другу существенных повреждений. И только в четыре часа снова возобновился бой, уже на параллельных курсах. Сражение продолжалось до самой ночи. Ни та, ни другая сторона не уступали. Но в шесть часов вечера японский снаряд большого калибра разорвался на «Цесаревиче» около боевой рубки. Адмирал Витгефт был убит, штабные чины и командир судна оказались тяжело ранены. Броненосец с поврежденным рулевым приводом выкатился из строя и стал описывать циркуляцию. Тогда броненосец «Ретвизан» намереваясь прикрыть собою флагманский корабль, бросился вперед, в сторону неприятеля. Японцы, испугавшись решительных действий «Ретвизана», отступили, надвигалась ночь. Перед нашей эскадрой открылся свободный путь на Владивосток. Но в ней самой произошло замешательство. Часть судов направилась в нейтральные порты, а остальные, избитые, руководимые нерешительным адмиралом Ухтомским, вернулись обратно в Порт-Артур. Не лучшее обстояло дело и с владивостокским отрядом, состоявшим из трех крейсеров: «Россия», «Громобой» и «Рюрик». Они вышли было на соединение с Артурской эскадрой, но 1 авгу-

ста встретились с кораблями адмирала Камимура. Произошел бой. В результате «Рюрик» погиб на месте, а два других крейсера вынуждены были отступить в свой прежний порт.

– Теперь могила им, – вздохнув, сказал машинист самостоятельного управления Сычев. К нему повернулось несколько голов.

– Кому могила?

Сычев лежал навзничь, прикрыв ресницами глаза от солнца. Лицо у него было бледное. Выдержав короткую паузу, он утомленно ответил:

– Кораблям первой эскадры. Не вырваться больше им из Порт-Артура. Наши морские силы там убавились, а японцы ничего не потеряли. Впрочем, большим воротилам нашим это будет наука. Только людей жалко.

Артиллерийский унтер-офицер Бобков, резвый краснощекий парень, слабо возразил:

– Скоро отправится вторая Тихоокеанская эскадра. Она выручит их.

Сычев приподнялся на локоть и, открыв черные проницательные глаза, посмотрел на артиллериста в упор.

– Голова у тебя как у вола, а соображения на грош. Пойми: пока твоя вторая эскадра собирается, пока тронется в путь да пока доползет туда, Порт-Артур к тому времени, как спелое яблочко, попадет в руки японцев, а все тамошние суда будут лежать на дне морском.

Раньше, когда 2-я Тихоокеанская эскадра только спешно вооружалась, многие еще не верили, будет ли на самом деле послана она на Дальний Восток. Но теперь никаких сомнений не было. Дней девять тому назад большая часть судов этой эскадры пришла из Кронштадта в Ревель. Мы видели их собственными глазами. На рейде были построены в ряды броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино», «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин»; крейсера 1-го ранга: «Аврора», «Адмирал Нахимов», «Дмитрий Донской» и «Светлана»; крейсер 2-го ранга «Алмаз»; миноносцы: «Бедовый», «Безупречный», «Блестящий», «Бодрый», «Буйный», «Быстрый» и «Бравый». Командовал эскадрой адмирал Рожественский, держа свой флаг на «Суворове». Позднее должны были присоединиться к эскадре броненосец «Орел» и два крейсера – «Олег» и «Изумруд». Эти корабли пока достраивались в Кронштадте.

В газетах я прочел вслух бодрую статью. Автор, размышляя о 2-й Тихоокеанской эскадре, возлагал теперь на нее все надежды. Она, соединившись с остатками 1-й Тихоокеанской эскадры, разобьет японский флот и завладеет морем. А тогда и сухопутные неприятельские войска, отрезанные водным пространством от родины, вынуждены будут сдаться. Словом, победа за нами обеспечена.

Кто-то из матросов промолвил:

– Говорят, наш флот в три раза сильнее японского. А вот, поди ж ты, колошматят нас.

– Дураков и в алтаре быют, – вставил опять Сычев. Он закурил папиросу и снова заговорил: – Ни черта из этой затеи не выйдет. Первая эскадра была сильнее второй, имела боевой опыт, была знакома с местными условиями плавания. И что же получилось? Запертая оказалась в Порт-Артуре, как в западне. А с этой – куда уж лезть нам?!

– Да, снарядили корабли на скорую руку, кое-как. Посадили на них запасных. Какой может быть дух у людей?

– Хоть было бы за что воевать, а то за дрова.

В разговорах, вопреки официальным сообщениям, все чаще и чаще указывали как на причину войны на лесные концессии в Корее, на реке Ялу, где были замешаны адмиралы Абаза, Безобразов и высочайшие особы. Слух об этом давно уже начал проникать и на корабли. Даже среди отсталых матросов заколебался престиж власти, а война все больше и больше теряла свою популярность.

На палубе просвистала дудка, а вслед за ней раздался голос:

– Баталера Новикова – к командиру!

Что-нибудь важное случилось, раз требует к себе сам глава судна. Бросив газеты, я помчался в знакомую каюту, на бегу одергивая фланелевую рубашу. Перешагнул через порог раскрытой двери и, сдернув с головы свою бескозырку, заявил:

– Имею честь явиться, ваше высокоблагородие.

Капитан 1-го ранга, типичный немец, законник, рылся в это время в книжном шкафу. Услышав мой голос, он повернулся ко мне, высокий и широкоплечий. Я беспокойно уставился на него, стараясь догадаться, зачем он вызвал меня. Но ни в чертах его крупного лица, грубоватого, с короткой ежистой бородкой, ни в строгих серых глазах не было никаких признаков раздражения. Он мирно поздоровался со мной, а потом, подойдя к письменному столу, взял бумажку и хрипловато заговорил:

– Вот здесь пришло предписание штаба порта. Мне очень не хотелось бы тебя, как опытного баталера, отпускать со своего судна, но ничего не могу поделать. Ты переводишься на другое. Сейчас же сдай свои дела ревизору, и отправишься по назначению.

Я широко раскрыл глаза.

– Осмелюсь спросить, ваше высокоблагородие, куда?

– На броненосец «Орел».

Он произнес эту фразу тихо, но у меня от нее зазвенело в ушах. У меня не было никакого желания воевать. Другие идеи бродили в моей голове. Я был весь в ожидании больших политических перемен внутри страны. Я готовился к работе, усиленно занимался самообразованием. Наметил себе программу для зимних занятий в неслужебные часы, собирался прикупить на берегу много новых книг. Но кто-то решил мою судьбу по-иному.

– Путешествие тебе предстоит весьма интересное. Многое увидишь. С японцами повоюешь. А главное, есть возможность искупить то преступление, в которое, как я полагаю, ты запутался по своей темноте.

Это был намек на то, что я находился под следствием как политический преступник.

Командир, выждав момент, добавил:

– Я полагаю, что ты должен быть доволен своим новым назначением.

В мозгу моем крутилась мысль, что я так же этим доволен, как бывает, вероятно, доволен бык, которого ведут на бойню, но вслух я сказал по-казенному:

– Очень рад, ваше высокоблагородие.

Я покрылся потом, губы подергивались, а командир все еще не отпускал меня.

– Я так и знал. В таком случае поздравляю тебя.

О, если бы можно было перемениться ролями! Как бы я мог великолепно поздравить его, сколько хороших слов наговорить! Казалось, что командир издевается надо мной, но он был серьезен и смотрел на меня строго, ожидая ответа. И я, еле ворочая языком, пробормотал заученные слова:

– Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие.

Я вышел из каюты, словно отравленный мутью. Оглядываясь, постоял немного на верхней палубе. Ничего не изменилось. Около нас жидко дымили в небо другие суда: «Европа», «Абрек», «Посадник», «Воевода». Вдали туманилась гавань с многочисленными кораблями. За ней, на острове Котлин, разбросался Кронштадт с его громадными военными складами, доками, каналами и корабельными мастерскими, с учебными заведениями и публичными домами. Пять лет я прослужил в этом городе, но теперь он стал для меня чужим и холодным. На блестящей поверхности Финского залива там и здесь, как бугристые зеленые заплатки, виднелись клочья земли – то были грозные форты, защищающие подступы к столице с моря. Сияло солнце, плывя в небесной лазури золотым альбатросом, а мой мозг кипел безнадежными мыслями. Итак, отныне я буду непосредственным участником военных действий. Через несколько

часов мне предстоит отправиться на новое место своего жительства – на броненосец «Орел». И я не могу поступить иначе, ибо моя воля захлестнута крепким арканом военной дисциплины.

2. На новом корабле

Броненосец «Орел» стоял в гавани, пришвартованный к внутренней ее стенке. С первого же взгляда, когда я только приблизился к нему, он поразил меня своими размерами. В сравнении с прежним старым моим крейсером этот казался великаном, мрачным красавцем. Весь он был черный, закован в броню крупновской стали, с массой надстроек. На баке укрепилась грузно вращающаяся башня, из амбразур которой выглядывали два длинных дула двенадцатидюймовых орудий, другая такая же башня угрожала с кормы. Кроме того, еще шесть башен расположились по бортам, с парой шестидюймовых орудий каждая. Главная разрушительная мощь заключалась именно в этой артиллерии. Двумя этажами ниже находилась батарейная палуба с 75-миллиметровыми скорострельными пушками, назначение которых было защищать броненосец от нападения миноносцев. Над палубой громоздились мостики: передний – в три яруса, с боевой рубкой, и задний – в два яруса. На них тоже были пушки, но уже совсем мелкие – 47-миллиметровые. Для того чтобы можно было в темноте разыскивать противника, мостики были вооружены ночными глазами электрических прожекторов. На середине судна возвышались две большие трубы, окрашенные в желтый цвет, с траурной каймой наверху. Между ними, на рострах, в специальных гнездах находились минные и паровые катеры, баркасы, шлюпки. Фок-мачта и грот-мачта соединялись антенной радиоаппарата. На каждой мачте виднелся марс – круглая площадка, обнесенная железными листами, откуда хорошо наблюдать за приближением неприятельских судов.

С «Орла» доносился грохот. Это мастера достраивали отдельные его части. С баржей, причаленных к борту броненосца, матросы перегружали на него снаряды, какие-то ящики, бочки. Слышались выкрики людей, свистки капральских дудок, звон железа, лязг подъемных лебедок.

Я сначала взойшел на верхнюю палубу, в шум и человеческую суету, а потом спустился в канцелярию. Там застал старшего писаря Солнышкова. Это был разбитной, веселый парень. От него впервые узнал, кто мои непосредственные начальники: старший баталер, сверхсрочник, кондуктор Пятовский и ревизор лейтенант Бурнашев. Давая характеристику им, писарь сказал о первом:

– Человечишка так себе – ни богу свечка, ни черту кочерга. Лапоть, начищенный ваксой. Жадный, любит копейку нажить, но умом слабоват. Этот не может на дамских шпильках шук ловить.

– А ревизор как? – спросил я.

– Распух от лени. Ни во что не вникает. Бумажки подписывает, не читая их. Служит на корабле больше для фасона, как в горнице мебель, на которую не садятся.

Рассказывая, писарь играл бровями и беспечно посмеивался. Он оказался очень словоохотливым. На всякий случай нужно было узнать от него и о других лицах: каков старший офицер, каковы боцманы. На любом судне эти персоны играют для команды самую важную роль.

– Старший офицер у нас – капитан второго ранга Сидоров. Он из Питера. Раньше заведовал кают-компанией в Крюковских казармах. Танцор и дамский сердцегрыз, каких мало. Вид имеет грозный, любит иногда пошуметь, а никто его не боится... Что? насчет боцманов? Младшие – Воеводин и Павликов. Можно с ними дружить. А старший, Саем, – шкура. Рад до смерти, что дослужился до кондукторского звания. Больше ничего ему не надо. Офицерский угодник, хотя дело свое знает хорошо. На этих трех боцманов старший офицер Сидоров выезжает, как на тройке гнедых.

В канцелярию вошел человек с серебряными кондукторскими погонами на плечах. Худощавое серое лицо его с русыми усиками ничем особенным не отличалось, кроме деловой озабоченности. Сейчас же выяснилось, что это был Пятовский, старший баталер. Когда он узнал, кто такой я, то, обращаясь ко мне, заговорил быстро на вятском наречии:

– Премного благодарен, что явились вы. Значит, вместех пороботаем. А то я замаялся совсем.

Алексей Новиков (сидит крайний слева) с товарищами с броненосца «Орёл» перед его уходом в боевой поход в Тихий океан. Осень 1904 г

Я отправился к ревизору. лейтенант Бурнашев сидел у себя в каюте за письменным столиком. На мой голос он повернулся. Круглое прыщеватое лицо его с толстыми губами было сонное, точно он не умывался сегодня. Смотрел он на меня долго, словно что-то соображая, и процедил:

– Хорошо. Иди к старшему офицеру.

Капитана 2-го ранга Сидорова я разыскивал долго, пока, по указанию матросов, не встретился с ним в батарейной палубе. Подал ему принесенный с собою пакет. Он начал читать бумаги, а я тем временем рассматривал нового своего начальника. На широких плечах его надежно покоилась седая голова. Сытое лицо заканчивалось внизу острой бородкой, а над сочными губами красовались большие усы, словно две белые моркови, торчавшие в стороны своими хвостами. Возвращая мне бумаги, он оглядел меня с ног до головы, прищуривая то один глаз, то другой, и соответственно с этим усы его приподнимались и опускались, как семафоры.

– Ну, за дело! Работы у тебя будет много. Все твои помещения должны быть полны провизией.

– Есть, ваше высокоблагородие.

– Лишней чарки команде не давать. Если узнаю об этом, пощады не проси. А сам ты водку пьешь?

– Ни разу в жизни не был пьян.

– Отлично. Только не нравится мне – нет в тебе достаточной бодрости.

– Таким меня мать родила.

Без всякой злобы, словно для того только, чтобы показать передо мною свое превосходство, он выругался и пошагал от меня прочь.

Аудиенция наша закончилась.

За пять лет службы я так ко всему привык, что перестал чувствовать оскорбления. Вечером мне выдали подвесную парусиновую койку с матрацем, набитым мелкой пробкой. В списках судовой команды против моей фамилии был поставлен номер. Под этим номером, согласно судовому расписанию, я буду выполнять свои обязанности во время той или иной тревоги. Прежнюю ленту на фуражке заменили другой, с надписью «Орел».

Итак, я стал членом новой семьи в девятьсот человек, собранных со всех концов России. Проходили дни, полные забот, и каждый из них исчезал в небытии, как падающая капля в земле. На судне была горячка. Нужно было выполнять канцелярские обязанности, составлять отчетности, писать требования, накладные и в то же время принимать из портовых складов солонину в бочках, галеты в ящиках, сливочное масло в запаянных железных банках, крупу, соль, сухари, муку. Все это проделывалось в спешном боевом порядке. Людей, назначаемых нам в помощь, не хватало. При погрузке старший баталер Пятовский прикрикивал на них:

– Живо, живо! Мясо есть любите, а таскать не хотите.

Помимо баталеров, на судне были и другие содержатели казенного имущества: машинный, минно-артиллерийский и подшкипер. Они тоже принимали разные запасы, каждый по своей специальности. Таким образом, к «Орлу» непрерывно приставали баржи, баркасы, катеры, и железный великан поглощал все, что они подвозили. Казалось, не дожидаться того дня, когда наполнятся все огромнейшие помещения судна.

В свободные часы, каких, правда, у меня было мало, я осматривал внутреннее устройство броненосца. Прежде всего бросалось в глаза распределение жилых помещений. Половина корабля в сторону кормы была отведена под офицерские каюты, в числе которых имелись даже запасные, сделанные на тот случай, что, может быть, сам адмирал со своим штабом вздумает переселиться к нам. Отсюда исходили все распоряжения, которые мы должны были выполнять, ибо здесь жили наши повелители – три десятка офицеров. А во второй половине, носовой, помещались матросы со своими капралами и боцманами, а также кондукторы – всего около девятисот человек. Кондукторы и боцманы тоже имели каюты. А мы жили в невероятной тесноте. Но меня больше интересовала другая сторона броненосца. Он был создан по самой новейшей конструкции. Спускаясь по трапам с одного этажа на другой, я заглядывал во все его помещения, во все закоулки, в многочисленные железные лабиринты. Не считая главных машин, котлов, башен, артиллерии, минных аппаратов, радиорубки, я всюду наткнулся на какие-то вспомогательные механизмы, добавочные приборы. Во всех отсеках, то переплетаясь между собой, то расходясь в разные стороны, проходили электрические провода, переговорные трубы, паровые или водопроводные трубы с обилием всевозможных клапанов. То же самое было и за двойным бортом, батарейная палуба и башни соединялись элеваторами с бомбовыми погребами, расположенными на самом дне, где у нас должны были храниться огромнейшие запасы пороха и разных снарядов. Короче говоря, удивлению моему не было границ перед всей сложностью этого железного чудовища.

3. Разговор с боцманом

Один философ сказал: «Учись хорошенько слушать, ибо это полезнее, чем хорошо говорить». В моем положении ничего не оставалось, как взять это изречение за руководство в своем поведении на корабле. Я догадывался, что нахожусь под негласным надзором. Недаром старший офицер сразу запомнил мое лицо и при каждой встрече смотрел на меня подозрительно. Хотелось бы только узнать, кому поручено следить за мною.

Но это не мешало мне самому познавать, чем дышит команда, изучать характеры офицеров и организацию службы на корабле, а впоследствии – и всей нашей эскадры.

Пока что для меня ближе был личный состав нижних чинов. Многие матросы были призваны из запаса. Эти пожилые люди, явно отвыкнув от военно-морской службы, жили воспоминаниями о родине, болели разлукой с домом, с детьми, с женой. Война свалилась на них неожиданно, как страшное бедствие, и они, готовясь в небывалый поход, выполняли работу с мрачным видом удавленников. В число команды входило немало новобранцев. Забитые и жалкие, они на все смотрели с застывшей жутью в глазах. Их пугало море, на которое они попали впервые, а еще больше – неизвестное будущее. Даже среди кадровых матросов, кончивших разные специальные школы, не было обычного веселья. Только штрафные, в противоположность остальным, держались более или менее бодро. Береговое начальство, чтобы отделаться от них, как от вредного элемента, придумало для этого самый легкий способ: списывать их на суда, отправляющиеся на войну. Таким образом, к ужасу старшего офицера, у нас набралось их до семи процентов.

Среди штрафных иногда прорывалась удаль:

– Ничего, братцы, повоюем!

– Может, на японочках женимся!

– Снаряд – дурак, он не разбирает, штрафной ты или нет. Всех одинаково будет укладывать без всякой панихиды.

Один из вечеров я провел в маленькой каюте, что расположена в жилой палубе с правого борта. Она принадлежала двум младшим боцманам. Оба отличались солидностью роста, шириной плеч, здоровым загаром щек. Один из них, Иван Епифаньевич Павликов, был круглолиц, белокур, с длинными ресницами, под которыми сыто поблескивали светлые глаза. Он шагал по палубе важной и неторопливой походкой барина. Его удручала не столько война, сколько разлука с возлюбленными, портреты которых были развешены над столиком. О своих победах над женщинами он рассказывал со всеми подробностями, весело при этом посмеиваясь. Он нравился мне меньше, чем второй боцман – Максим Иванович Воеводин. Последний был серьезнее и вдумчивее. По-видимому, на все явления жизни у него сложился определенный взгляд практического человека. И только по временам его лицо, сероглазое, с высоким лбом, с золотистыми усами, нахмурившись, принимало такое выражение, как будто он решал трудную задачу.

Боцманы не могли не дружить со мной. Я заведовал водкой. А они оба слишком были сильны, чтобы удовлетвориться законной чаркой. Это ставило их в некоторую зависимость от меня. Я и раньше слышал о странных случаях, происходивших с «Орлом». Но теперь от боцмана я узнал об этом подробнее. Павликов рассказывал мне густым баритоном:

– Худая слава сложилась о нашем броненосце. Началось это с Петербурга. Когда только «Орел» строился, он чуть не сгорел от пожара на Галерном острове. А в тысяча девятьсот третьем году, будучи спущен на воду, он во время наводнения полез было на берег. Едва удалось спасти его. Этой весной привели броненосец в Кронштадт и так же, как теперь, пришвартовали его правым бортом к стенке. Швартовы были толстые и крепко завернуты за палы и кнехты на стенке. В этот же день почему-то начался крен на левый борт. К вечеру крен дошел до тридцати градусов. Что случилось? Никто ничего не знал. Легли спать. Вдруг ночью лопнули все швартовы. Броненосец повалился набок. Загрохотали все предметы, что не были закреплены. В батарейной палубе загудела вода. Люди вскочили со своих коек и в одном нижнем белье бросились к выходам. В темноте поднялся невообразимый шум, гвалт. Всех охватила такая паника, как будто корабль взорвало миной. Выбрались мы все на стенку, мало-помалу в себя пришли. Смотрим – «Орел» наш совсем на боку лежит. Можно сказать, утонул без войны в своей собственной гавани. Хорошо, что мелко было. И то все-таки потом две недели бились с броненосцем, чтобы поднять его.

– Что же такое случилось с ним? – спросил я.

Павликов только руками развел, но вместо него пояснил Воеводин:

– По-моему, непонятного тут ничего нет. Морской канал между Петербургом и Кронштадтом недостаточно глубок. Чтобы прошел по нему наш броненосец, пришлось с него снять броневые листы нижнего пояса. Дыры от болтов заткнули деревянными пробками. Но кто-то выбил эти пробки. Через эти дыры и начала проникать вода внутрь судна. Потом она через орудийные полупорты пошла, когда судно сильно накренилось. Кто тут был виновником? Указывали, будто японцы ночью проникли к нам. Но все это чепуха на птичьем молоке. Скорее всего, свои это проделали, матросы. Вот недавно, как идти нам на пробу, обнаружили в подшипниках машины стальные опилки. Если бы только вовремя не заметили этого, застряли бы в Кронштадте надолго. Может быть, совсем не пришлось бы идти на войну. На других судах тоже подобные случаи были. Взять, например, крейсер «Олег». Вышел он в море на пробу машин. Слушают: что такое стучит в цилиндре низкого давления? Разобрали цилиндр. Внутри его заметили борозды. Оказалось, куски стали попали в него. Вот и любопытно узнать: как попали они в закрытый цилиндр?

Я спросил:

– По-вашему, все это проделывают свои же матросы только для того, чтобы избавиться от участия в войне?

Воеводин покрутил золотистые усы, пытливо взглянул на меня. Лицо его стало суровее. Казалось, что он сейчас разразится бранью, но я услышал тихий голос с нотками разочарования:

– Хорошо не знаю, а выходит, как будто так. Плохо стало служить. Того и гляди матросы избыют.

– За что же избыют, если вы их сами не тронете?

– Вы еще многое не понимаете. Есть у нас на судне такие сачки. Они в законах справляются, ищут такое преступление, за которое бы можно посидеть не больше года в исправительной тюрьме. Недавно на крейсере «Алмаз» трое матросов избили боцмана. На некоторых судах фельдфебелям досталось. У нас пока в другом роде проступки совершили. Что им год просидеть в исправительной тюрьме? Зато живыми останутся, расчет верный.

Потом Воеводин рассказал, как увечат себя матросы, чтобы попасть в госпиталь и таким образом избавиться от злополучного броненосца.

– Некоторые из команды усиленно курили натошак, глотая дым до рвоты, а потом пили воду, крепко настоящую на табаке. Это продолжалось изо дня в день, целые недели. Когда такой человек являлся в судовой лазарет; то у него, как у паралитика, тряслись руки и ноги, а лицо выглядело мертвенно-зеленым, с блуждающими мутными глазами. Он и в госпитале, чтобы подольше задержаться там, не переставал таким образом отравлять себя. Иногда это кончалось смертью. Один новобранец гвоздем проткнул себе барабанную перепонку и, не выдержав боли, заорал истошным голосом, кружась и приплясывая, как полоумный. Зло-намерение его было открыто. Много и других увечий было. Пожилой кочегар, призванный из запаса, решил заразиться венерической болезнью, в надежде, что месяца через два-три доктора вылечат его. Пока он выйдет из госпиталя, «Орел» будет уже далеко в пути. Кочегар начал ходить по самым грязным притонам. Истратился, продал все, что только можно продать, а болезнь к нему никак не приставала. Кто-то научил его найти уже зараженного человека и сделать себе искусственную прививку. Кочегар данный совет выполнил в точности. После этого ждал, пока не появились признаки болезни, а вчера явился в судовой лазарет. Врач, осмотрев его, спросил: «Женат?» – «Так точно, ваше высокоблагородие». – «И дети есть?» – «Трое». – «Дурак! Дошлялся по вертепам. Сифилис у тебя». Кочегар хотел заболеть, но не такой серьезной болезнью, а теперь выслушав приговор врача, побледнел.

Воеводин, кончив рассказывать, вздохнул и промолвил:

– Да, война войне рознь. А на эту никому неохота идти.

Я ушел от боцмана в раздумье. Почему так неудачно складывается эта война? Ведь били же в старину русские всех подряд на суше и на море. Вероятно, они тогда шли на войну с другими настроениями.

4. Прощай, Кронштадт!

Наш «Орел» был такого же типа, как «Бородино», «Александр III» и «Князь Суворов». Они так походили друг на друга, словно были близнецами. Эти четыре броненосца, самые новейшие и мощные, составляли главное ядро эскадры. Без нашего корабля эскадра не могла уйти. Поэтому адмирал Рожественский торопил нас.

Наконец-то «Орел» наполнился разными припасами до отказа, нагрузился настолько, что нижняя полоса броневой защиты ушла в воду. Правда, мелкие постройки оставались на нем еще не законченными, но решено было взять с собой около сотни человек мастеровых. Наступила пора расстаться с Кронштадтом и, оторвавшись от стенки, двинуться в далекий путь. Это произошло 17 сентября в четыре часа вечера.

Два буксирных парохода, сильно отбрасывая водные буруны, медленно выводили броненосец на рейд. Небольшой ветер беспечно забавлялся поверхностью Финского залива, покачивая мелкие волны. Небо затягивалось жидкими облаками. Скрываясь за мглой, солнце светило тусклым, словно подводным, светом. Со стенки гавани, провожая нас, помахивали нам военными фуражками, шляпами, белыми платочками. А у нас на палубе угасала последняя береговая суeta. То в одном месте, то в другом появлялась плотная и неповоротливая фигура старшего офицера Сидорова с озабоченным усатым лицом. На переднем мостике среди других офицеров выделялся своим высоким ростом лейтенант С. Я. Павлинов, чернобровый красивый мужчина. Там же находился и командир судна, капитан 1-го ранга Николай Викторович Юнг. Этот среднего роста, ладно сложенный пожилой холостяк, как всегда, был аккуратно одет в новенькую тужурку, с золотыми двухпросветными погонами на плечах, в накрахмаленном воротничке безукоризненной белизны. Несмотря на порядочный возраст, он сохранил удивительную свежесть лица. Что-то располагающее было в его румяных щеках, в русой бороде, в приветливом взгляде синих глаз. Он запретил на судне мордобойство.

У него был один недостаток – это излишняя нервность и ненужная суетливость в распоряжениях.

Двумя часами позже с мостика неожиданно раздались тревожные выкрики. Командир отчаянно замахал руками. Не сразу все поняли, что произошло. Оказалось, на фарватере наш броненосец, разворачиваемый двумя буксирами, плотно сел на мель.

Матросы смеялись:

– Кончилась наша кампания.

– Забирай, ребята, чемоданы и айда в экипаж!

На мостике происходил переполох. Командовали дать ход вперед, назад. Буксиры пробовали тянуть вправо, влево, но броненосец оставался неподвижным. Тогда командир закричал:

– На лотах! Как глубина?

Глубина фарватера оказалась двадцать семь футов, тогда как судно, благодаря своей перегруженности, сидело в воде на полтора фута больше.

Произошло событие чрезвычайной важности. На «Орел» вскоре явилось все портовое начальство, возглавляемое главным командиром порта, командующим Балтийским флотом вице-адмиралом Бирилевым.

Кто во флоте не знал этого хитрого старика?! Коренастая фигура, решительная походка, загорелое, почти бронзовое лицо с массой мелких сухих морщинок, борода клинышком, короткие усы, черные острые глаза, большие уши – все эти внешние черты его нам хорошо были

знакомы. Происходя из старинной дворянской фамилии, очень богатой, владевшей крупными поместьями, адмирал, по старым морским традициям, кормил за свой счет весь свой штаб, всех своих флагманских специалистов и даже ординарцев. Обеды у него всегда были прекрасные, приготовленные хорошим поваром, и сопровождалась выпивкой дорогих вин, хотя сам он никогда не напивался допьяна. Считался хлебосольным начальником, но зато был строг по службе и требователен к своим подчиненным. Любил часто делать смотры, и в таких случаях редко обходилось без того, чтобы он не поиздевался над командирами судов и вообще над офицерами – без шума, но тонко и ядовито.

С командой он заигрывал. Случалось, придравшись к какому-нибудь пустяку, он нагонял страх на провинившегося матроса, выкрикивая повышенным голосом:

– Что мне делать с тобой, разбойник? Повесить тебя – жалко, сослать на каторгу – мало. Не могу придумать...

Перепуганный матрос таращил глаза на Бирилева, а тот, натешившись, неожиданно менял гнев на милость:

– К счастью твоему, вижу по твоей морде, что ты можешь исправиться по службе. В следующий раз, каналья, не попадайся. Немедленно прикажу накинуть петлю на шею и подтянуть к рее.

И совал матросу двугривенный.

Бирилев надеялся не столько на современную технику, сколько на несокрушимый дух русского моряка. Для него было большое удовольствие, если офицеры приглашали его на обед в свою кают-компанию. Тогда он целыми часами рассказывал им о своих морских приключениях, о столкновении с адмиралом Макаровым и Верховским, при этом, по обыкновению, сильно привирая и хвастаясь своими познаниями в военно-морском деле. Во время разговора у него постоянно прорывалась фраза:

– Я, как боевой адмирал...

Однажды сидевший с ним вместе за столом мичман Роцаковский спросил:

– Позвольте, ваше превосходительство, узнать, в каких боях вы участвовали?

Бирилев покраснел и ответил враждебно:

– В боях я не бывал, но все мои стремления направлены к боевой подготовке нашего флота, чего у других адмиралов нет. Вот что дает мне право называть себя боевым адмиралом.

Во флоте Бирилев прославился главным образом собиранием иностранных орденов. В этом отношении никто из морских воротил не мог с ним соперничать. Когда-то, будучи еще контр-адмиралом и командуя отрядом судов в Средиземном море, он не столько занимался морским делом, сколько посещал высочайших особ разных государств. В Италии происходили большие национальные торжества. Наш средиземноморский отряд пришел в Неаполь. Адмирал Бирилев со своим флаг-офицером Михайловым поехал в Рим, где был принят королем Виктором Эммануилом II и королевой Еленой. Адмирал во время обеда искусно развлекал королеву своими всегда остроумными рассказами. Король пожаловал ему итальянский орден. Побывал он и в Тунисе, где получил звезду от туземного бея. Турецкий султан праздновал двадцатипятилетний юбилей своего царствования. Разве можно было пропустить такой случай? Адмирал на канонерской лодке «Кубанец» отправился в Дарданеллы, а оттуда, пересев на поезд, проехал в Константинополь, чтобы представиться султану и поздравить его с юбилеем славного, мудрого и счастливого царствования. Растроганный таким вниманием султан наградил его звездой «Меджидие». А как не побывать еще в Греции, на острове Корфу, где должна была произойти свадьба великого князя Георгия Михайловича с греческой принцессой Марией Георгиевной? Расчет был сделан верно. После бракосочетания молодых на груди адмирала засияла новая звезда. В болгарской столице Софии он посетил царя Фердинанда, и здесь также его наградили орденом. Потом отправился в Сербию на свидание в Белграде с королем Александром и королевой Драгой. Казалось, время для посещения королевской четы

было выбрано довольно неудачное. Королева горевала после неблагополучных родов. Король буйствовал, и к нему никто не рисковал подступиться. Ни наш посланник, ни министр сербского двора не могли выхлопотать Бирилеву аудиенцию. Но он был настойчив и не унывал. Прожив недели две впустую, он через какую-то придворную даму добился свидания с Драгой. Он так мастерски успокоил королеву, что она благодарила его за сердечное отношение к ней. А через нее он уже подкатился и к самому королю. В результате коллекция звезд его увеличилась. Вообще адмиралу везло. Всюду, где бы он ни столкнулся с той или иной высочайшей особой, его награждали орденами. Чтобы получить таковые, он не стеснялся никакими средствами, доходя в своей изобретательности до виртуозности. В Мадриде он прожил больше недели, добываясь аудиенции у короля. Это было перед Пасхой, Альфонс XIII и королева в это время говели и никого не принимали. Адмирал терпеливо ждал и только на второй день Пасхи представился им в цирке во время боя быков. Король был в прекрасном расположении духа, милостиво беседовал с русским адмиралом и, сняв с одного из своих придворных моряков звезду, лично приколот ее на грудь Бирилева. Больше ему нечего было делать в цирке. Он сейчас же покатил на вокзал и сел на поезд. Вернувшись в Барселону, где его поджидал отряд русских судов, он переправился на канонерскую лодку «Храбрый». Нельзя было терять времени: в Виллафранке находился президент французской республики Лубе. Погнались судно, оставляя позади отряд. Кочегары, орудуя в топках, так старались, что на «Храбром» дымовая труба, накалившись докрасна, прогорела. Свидание с президентом все-таки состоялось. Грудь Бирилева украсилась еще одной звездой – ордена Почетного легиона.

Когда со своим отрядом он вернулся в отечественные воды, о нем говорили во флоте:

– Его превосходительство благополучно закончил свой крестовый поход.

Я не раз видел Бирилева в полной парадной форме, и меня всегда поражало обилие наград. Медали, ордена, звезды, большие и малые, не умещааясь на его груди, разбегались по бокам, спускались к бедрам. Он весь сиял, как святочная, богато украшенная елка. Молодые офицеры острили над ним:

– Адмирал Бирилев не столько блеснит умом, сколько своими звездами.

Наша 2-я эскадра, причиняя ему много хлопот, ничего не могла прибавить к тем его наградам, какие у него уже имелись. Он старался скорее избавиться от этих судов, снабдив их кое-как материальной частью и совершенно не подготовленным к войне личным составом. А тут, как на грех, «Орел» сел на мель, как будто проявляя намерение совсем остаться в Кронштадте.

Адмирал был очень недоволен. На палубе, встретившись с командиром, он сделал ему строгий выговор, заикаясь при этом дольше обычного. А потом, быстро поднявшись на мостик, распорядился:

– Выв-ызз-вать ком-манду и рас-скачать судно!

К двум буксирным пароходам прибавили еще несколько, и все они тянули броненосец в одну сторону, чтобы сдвинуть его с места. Одновременно с этим около четырехсот матросов по команде с мостика шарахались от одного борта к другому. Бились долго, но «Орел» продолжал упрямо сидеть на мели.

Могли ли четыреста человек, весивших не более тридцати тонн, раскатать броненосец водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн? Это было так же нелепо, как если бы четыреста тараканов вздумали раскатать корыто, наполненное бельем и водой. Несуразность такого распоряжения понимали матросы и, перебегая от одного борта к другому, смеялись:

– Осторожнее, ребята, как бы не опрокинуть судно!

– Смотрите, будто и вправду валится набок!

– Ой, без войны утонем!

Один из портовых чинов, обращаясь к Бирилеву, подсказал:

– Ваше превосходительство, мне кажется, что такая ничтожная тяжесть, как перебежка матросов, маловато повлияет на ход дела. Нам не обойтись без землечерпалок. Придется дно углубить.

Лицо адмирала, холодное и надутое, со строго поджатыми губами, сразу озарилось сознанием.

– Представьте себе, такая же мысль и мне пришла! Я уже пять минут думаю над ней. Да, вы совершенно правы.

Все портовое начальство разъехалось.

Боцман Воеводин, встретившись со мной, хмуро буркнул:

– Я так и знал, обязательно с нами какая-нибудь каверза случится. Так оно и вышло. Точно злая сила преследует нас.

Матросы вслух высказывали свои желания:

– Эх, кабы на всю зиму застрять здесь!

– Да, тогда вскладчину мы заказали бы сразу сто молебнов.

Ночь спали без тревоги, хорошо.

Утром к броненосцу подвели три землечерпалки. Они работали вокруг него весь день и всю следующую ночь. На этот раз предпринятые меры оказались более удачными. На рассвете 19 сентября «Орел» снялся с мели и направился в Ревель.

Под хмурым небом свежел ветер, крупнели волны. Броненосец, дымя обеими трубами, шел ровно, не качаясь. Давно миновали корабли, стоявшие на большом рейде: «Олег» и «Жемчуг», которые потом будут догонять эскадру. Кружились чайки. Стучали кувалды рабочих.

Я долго стоял на кормовом мостике, уныло оглядываясь назад, на знакомые берега, на исчезающий вдали город. Прощай, Кронштадт! За пять лет службы я много пережил в нем и плохого, и хорошего. Там, по Господской улице, нашему брату матросу разрешалось ходить только по левой стороне, словно мы были отверженное племя. На воротах парков были прибиты дощечки с позорнейшими надписями: «Нижним чинам и собакам вход в парк воспрещен». Мытарили меня с новобранства, чтобы сделать из меня хорошего матроса, верного защитника царского престола. Получал разносы по службе, сидел в карцере, томился в одиночной камере тюрьмы за то, что захотел узнать больше, чем полагается нам. И все-таки, если выйду живым из предстоящего сражения с японцами, я с благодарностью буду вспоминать об этом городе. Из села Матвеевского, из дремучих лесов и непроходимых болот северной части Тамбовской губернии, где в изобилии водится всякая дичь и зверье, до медведей включительно, я прибыл во флот наивным парнем, сущим дикарем. И сразу же началась гимнастика мозга, шлифовка ума. Не все были плохие офицеры, не все отличались жестокостью. Находились и такие, от которых при умении, при настойчивом желании можно было получить немалую пользу. Но главное заключалось в другом. Специальные курсы баталеров, техника кораблей, плавание по морям, устройство портов, воскресная школа, дружба с развитыми и сознательными товарищами, знакомство со студентами, чтение нелегальной литературы – все это было для меня чрезвычайно ново, все это обогащало разум и заставляло смотреть на жизнь по-иному.

Вспомнилось прошлое.

Два года назад, получив двухнедельный отпуск, я съездил домой на побывку. Это было ранней осенью, когда зелень уже начала покрываться багрянцем и золотом. Мое появление в семье было праздником и для меня, и для моих родных. Все жители села приходили полюбоваться матросской формой, невиданной в наших краях: фланелевой рубашкой с синим воротником форменки, брюками клеш навывпуск, серебряными контриками на плечах, атласной лентой, обтягивающей фуражку, золотой надписью – название корабля. Дети старшего брата, Сильвестра, а мои малолетние племянники и племянницы – Поля, Егор, Маня, Анюта, Ваня, Петя, Федя, – смотрели на меня с таким удивлением, как будто я свалился к ним с неба. И

сыпались бесконечные вопросы: широкое ли море, какова его глубина, видел ли я в нем трех китов, на которых держится земля, какой величины корабль, на котором я плавал. Я объяснял им, а они от изумления восклицали:

- Ой, ой! Месяц нужно плыть до берега!
- Вся колоколья наша может утонуть! Ух!
- Эх, вот так корабль! Все село наше может забрать!

А моя мать помолодела от радости. Она каждый день наряжалась в платье, в котором ходила только в церковь. Я смотрел на нее и думал: «Где предел материнской любви?» Она приберегла для меня бутылку малинового сока, совала мне яблоки или горячие пышки. Но больше всего меня удивило ее обращение со мной на «вы». Я протестовал против этого, но она отмахивалась руками:

– Нет, нет, Алеша, и не говорите. Я ведь из Польши. Все правила знаю побольше, чем здешние женщины. А вы теперь вон какой стали. Ни в одном селе такого нет.

Она думала, что я нахожусь в очень больших чинах, и я никак не мог разубедить ее в этом.

– Ах, Господи, не дождался старик сына, помер. Что бы ему еще два с половиной годочка протянуть! Вот уж он был бы вами доволен...

Ласково, как отдаленный напев скрипки, звучал для меня ее голос, а кроткие голубые глаза мерцали радостью.

Ярким закатом угас мой отпуск, и я снова уехал во флот. А теперь на мое сообщение, что меня отправляют на войну, я перед отходом судна получил от матери ответное письмо. Я не мог без слез читать строки, полные тревоги и глубокой скорби. В заключение она писала, что день и ночь будет молиться за меня, а я должен хранить ее благословение и помнить: «материнская молитва со дна моря спасает».

Я посмотрел с мостика на палубу: там, в присутствии старшего офицера и боцманов, работали матросы. Были люди и на мостике, и в башнях, и в батарейной палубе, и в трюмах, и в машинном отделении. Не считая рабочих, которые скоро будут высажены на берег, девятьсот моряков обслуживали корабль. И уносит он нас в неведомые края, туда, где буйствуют огненные вьюги, гася человеческие жизни, – либо победить врага, либо самому погибнуть в безвестной пучине. Разве за них, за этих матросов и офицеров, не молятся матери так же, как и за меня? И разве у наших врагов менее любящие матери, и разве они не проливают слезы, обращаясь к своему богу? Но кого-то из нас ждет холодная могила.

С надломленным крылом души я сошел с мостика. Броненосец «Орел», развевая Андреевский флаг, продолжал отмерять морские мили.

5. Высочайший смотр

На второй день около полудня показались маяки и острова. Сочно заголубело небо, словно кто мокрой тряпкой смахнул с него грязь облаков. Ветер забирал, но все еще был достаточен, чтобы двигать парусники, разбросанные по просветленной водной шире. На взгорье, в солнечных лучах, начал выявляться город Ревель с его остроконечными кирхами, с крутыми черепичными крышами домов, с круглыми башнями и зубчатыми стенами старинных построек на скалах. Здесь, несмотря на все старания царского правительства русифицировать Эстонию, на всем сохранился отпечаток готической архитектуры. На рейде, недалеко от гавани, стояли корабли 2-й эскадры. Наш «Орел» присоединился к ним и, заняв место в колонне однотипных броненосцев, бросил якорь.

Зачередовались дни с ночами, как два часовых, сменяющих друг друга. Мы вступили в период боевой подготовки. Принимали все меры для защиты эскадры от внезапного нападения противника, хотя до него было еще очень далеко. Учились ставить сети заграждения против

мин. С заходом солнца один из кораблей защищал вход в рейд, освещая его прожектором. Мористее него ходили два дозорных миноносца и минные катеры.

На броненосце, к великому удовольствию командира, рассчитали рабочих. Давно требовалось подтянуть команду, навести чистоту, а они своим пребыванием на судне вносили разлад в наш внутренний распорядок. Опасались и крамолы. Мне самому пришлось встретиться с одним рабочим. Оглядел он меня круглыми глазами и, почесав за ухом, спросил:

– Значит, воевать отправляетесь?

– Да, – кратко ответил я.

– Ну, с Богом.

– При чем же тут Бог?

– Ого! Тогда, выходит, с чертом?

– И это ни при чем.

– Ого! Неужто отрицаешь?

– А разве такие не бывают?

Рабочий подумал немного и загадочно ответил:

– Да, все на свете бывает, и попадья попа надувает. Знаю я в одном селе парочку: муж дьякон, а жена у него попадья. Как это вышло, а?

Я тоже ответил прибауткой:

– Это еще невелика беда, что на огороде поросла лебеда, вон церкви горят, и то ничего не говорят.

– Ого! Резвый! Не спотыкнешься?

– Случалось и это.

Издаലെка, весьма осторожно, он начал накачивать меня политикой. Он говорил больше намеками, но я понимал его. Выходило так, что если мы победим противника, то этим самым только больше укрепим свое правительство. То же самое я слышал и на берегу от интеллигенции. Все передовые люди радовались нашим неудачам. Казалось, эта часть русского общества никогда не была так охвачена пораженческими идеями, как в эту войну, ибо она раскаляла народ, вскрывая перед ним все наши государственные язвы. В каком же дурацком положении оказались мы, моряки, отправляющиеся на Дальний Восток! Если мы восторжествуем над японцами, то нанесем вред назревающей революции, необходимой для задыхающейся России, как свежий воздух. С другой стороны, мы не можем спокойно подставлять свои лбы под неприятельские снаряды. Наш проигрыш и наша гибель будут считаться позором, и над теми, какие вернутся с войны, будут смеяться: «Вот они, моряки с разбитого корабля!»

Послушав рабочего, я предупредил его:

– Довольно, друг. Этой пищи я уже отведал.

– Ого! Отрадно. Ну что же, вы там, а мы тут постараемся.

Я несколько не сомневался, что длительное пребывание рабочих на судне оставило среди матросов какой-то след.

Внутренняя организация службы на кораблях налаживалась медленно. Даже на флагманском броненосце «Суворов», который уже порядочное время находился в плавании, люди совсем не были подготовлены к бою. Вот что писал об этом адмирал Рожественский в приказе № 69:

«Сегодня в два часа ночи я приказал вахтенному начальнику пробить сигнал для отражения минной атаки.

Через восемь минут после отдачи приказа не было еще и признаков приготовления отразить нападение: команда и офицеры еще спали; только несколько человек вахтенного отделения с трудом были извлечены из мест отдыха, но и те не знали, куда им идти; ни

один прожектор не был готов осветить цель, вахтенные минеры отсутствовали; никто не заботился даже о палубном освещении, необходимом для действия артиллерии...»

Дальше адмирал просил младших своих флагманов и командиров проверить, как обстоит в этом отношении служба на других кораблях, и о результатах немедленно донести ему.

Дождлся и «Орел» того времени, когда ему пришлось участвовать совместно с другими кораблями в пробном отражении минной атаки. Над морем густо висела осенняя ночь. Было тихо. И вдруг в этой тишине раздалась боевая тревога. На всей эскадре вспыхнули огни прожекторов, и световые полосы их, рассекая тьму, заскользили по ровной поверхности моря, нащупывая щиты, буксируемые миноносцами. С других судов, хотя и с опозданием, открыли орудийную стрельбу по этим щитам, а у нас по трапам и палубам все еще метались люди. Некоторые из матросов, в особенности новобранцы, находясь под влиянием разных слухов о близости японцев, думали, что началось настоящее сражение. Слышались бестолковые выкрики. Офицеры ругали унтеров, а те толкали в шею рядовых. Много минут прошло, пока на броненосце водворился некоторый порядок. Забухали и наши 75-миллиметровые пушки.

У меня сложилось такое впечатление, что если бы на нас действительно напали японцы, то, пользуясь нашим промедлением и неразберихой, они успели бы три раза потопить наш броненосец.

Для нас эта ночная тревога кончилась тем, что «Орел» получил от командующего эскадрой выговор.

В следующие дни наступила другая забота: мы должны были надлежащим образом подготовиться к царскому смотру. На броненосце всюду наводили порядок и чистоту. Много раз мыли коридоры с мылом, лопатили мокрую палубу, окатывали ее водой, подкрашивали борта, надраивали до блеска медяшку. Не были избавлены от этого машинное и кочегарное отделения: а вдруг и туда вздумает спуститься коронованный посетитель. Несмотря на свой возраст, подхлестнутым жеребенком носился по судну старший офицер Сидоров, заглядывая во все помещения и надрываясь от крика и брани. Охваченный излишним усердием, он даже перестал замечать недочеты. Ему помогали в наведении порядка и другие офицеры, каждый по своей специальности. Потом уже сам командир Юнг обходил броненосец. Его привычный глаз все еще не удовлетворялся тем, что было сделано. И тогда снова начинали скоблить некоторые судовые части, скрести их, мыть, подкрашивать. Казалось, что люди помешались на чистоте.

Смотр состоялся 26 сентября. С восьми часов утра вся эскадра разукрасилась разноцветными флагами, поднятыми на леерах на каждом судне от носа и до самой кормы через верхушки мачт. День выпал ветреный. Чист и бодряще свеж был осенний воздух. С моря в меру дул голубой ветер, катились на рейд волны, потрясая белопенными кудрями. Матросы нарядились в новые синие фланелевки и черные брюки, офицеры – в мундиры и треугольные шляпы. На флагманских кораблях играла музыка.

Редкого гостя ждали долго, успели пообедать. На других судах кричали «ура», а до нас еще не дошла очередь. И только в три часа, трепеща двумя белыми косицами императорского брейд-вымпела на носовом флагштоке, подвалил к правому трапу паровой катер.

Встреченный фалрепными из офицеров, царь поднялся на палубу в сопровождении своей свиты и адмиралов. Лицо его было бледное, будничное и никак не подходило к такому торжественному моменту. Рассеянно взглянув на выстроившийся фронт, он поздоровался с офицерами и командой. Судовым начальством нам заранее было приказано отвечать как можно громче, и мы постарались:

– Здравия желаем, ваше императорское величество!

Царь взошел на поперечный мостик, перекинутый через ростры, и обратился к нам с краткой речью. Он призывал нас отомстить дерзкому врагу, нарушившему покой России, и

возвеличить славу русского флота. Говорил он без всякого подъема, вяло, ибо ему приходилось повторять одно и то же на каждом корабле.

Я смотрел на него и думал: «Верит ли он сам в нашу победу? Ведь на Дальнем Востоке мы уже немало просадили в этой страшной игре человеческими жизнями. Может быть, коронованный повелитель сам не понимает того, что, посылая вторую эскадру, он бросает на кон последнюю ставку? Или он надеется, что командующий эскадрой спасет Россию от дальнейшего банкротства?»

Здесь же находился и Зиновий Петрович Рожественский, облаченный в полную свитскую форму, тот, который поведет наши корабли на смертный бой. Массивные плечи его горели серебром контр-адмиральных эполет с вензелями и черными орлами. Широкая грудь сверкала медалями и звездами. Брюки украшали серебряные лампасы. От левого плеча наискось к поясу перекинулась через грудь широкая анненская лента, переливая алым цветом шелка, а с правого плеча свисали витые серебряные аксельбанты. Своей могучей фигурой он подавлял не только царя, но и всех членов свиты. В чертах его сурового лица, обрамленного короткой темно-серой бородой, в твердом взгляде черных пронизывающих глаз запечатлелось выражение несокрушимой воли. Против своего обычая упрямо склонять голову, сейчас он сосредоточенно смотрел на царя, прямой, монолитный, как изваяние, и такой самоуверенный, что, казалось, никакие преграды не остановят его замыслов.

Рядом с ним стояли два его младших флагмана: командующий вторым броненосным отрядом контр-адмирал фон Фелькерзам и командующий крейсерским отрядом контр-адмирал Энkvист.

С первым я одно лето плавал вместе и знал его хорошо. По отзывам офицеров, в военноморских вопросах он разбирался лучше, чем сам Рожественский. Но для создания карьеры все дело портила его комическая внешность. Фигура у него была тучная, ожиревшая, однако это не мешало ему передвигаться быстрыми мелкими шагами. Своим одутловатым лицом, лишенным свежести, помятым, почти без растительности, он напоминал кастрата. При раздражении, округляя свой маленький, как наперсток, рот, он выкрикивал слова тонким женским голосом, что никак не соответствовало ни его адмиральскому чину, ни его широкому, полнотелому туловищу.

Энквиста, шведа по происхождению, я теперь увидел впервые, но много слышал о нем. Он страдал отсутствием памяти, забывал все, что видел и слышал, но в таких случаях его выручали записи всегда присутствующего при нем флаг-офицера. Большая, тщательно расчесанная седая борода придавала ему вид солидного и красивого адмирала и заменяла все духовные качества.

Я смотрел на царя, на его свиту, на адмиралов и флаг-офицеров и удивлялся: столько было блеска, что ослепляло глаза.

Запомнились последние слова царя:

– Желаю вам всем победоносного похода и благополучного возвращения на родину.

На это почти девятьсот человек команды ответили криками «ура».

Царь сошел с мостика и направился к правому трапу. Вдоль борта выстроились в шеренгу судовые офицеры. Ближе к трапу стоял командир, за ним – старший офицер, потом старшие специалисты и мичманы. Каждый из них, держа руку под козырек, вытянулся и замер. Лица их были повернуты в сторону царя, и, по мере того как он шел, головы людей медленно, как секундная стрелка, поворачивались, делая полукруг. Глаза офицеров, голубые, серые, карие, провожая монарха, впились в его лицо и, казалось, не могли от него оторваться. За ним двигались великий князь Алексей Александрович, морской министр Авелан, адмиралы Рожественский, Фелькерзам, Энkvист и другие высшие чины. Несмотря на множество людей, застывших вдоль бортов в неподвижных рядах, на палубе стояла такая тишина, от которой ждешь чего-то необыкновенного.

И действительно, произошло то, от чего содрогнулись сердца судового начальства.

Был у нас пес, из простых дворняжек: масть бурая, уши стоячие, хвост крючком. На наш броненосец он попал случайно. Однажды, когда офицерский катер отваливал от пристани, вдруг на его корму саженным прыжком махнула собака. Офицеры переполошились. Но она ласково завилала хвостом и смотрела на каждого из них сияющим взглядом карих глаз. По всему было видно, что она необыкновенно обрадовалась, очутившись на катере. Все решили, что эта собака бывала на морях и каким-то образом отстала от своего судна. Ее повезли на броненосец. Дело было во вторник, а поэтому, не зная ее прежней клички, дали ей новую – Вторник. Пес быстро прижился у нас. Часто можно было его видеть среди команды в кубриках, но больше всего он ютился в кают-компании: там вкуснее кормили. У него была большая любовь к морю. Он мог часами сидеть на юте или на заднем мостике и, словно поэт или художник, любоваться красотами водной стихии. Но его, как и всех моряков, тянуло и на берег, чтобы вдосталь порезвиться там и познакомиться с другими собаками. Но теперь он вел себя на суше осторожнее и держался ближе к пристани, боясь, очевидно, как бы опять не остаться нетчиком. У него была замечательная зрительная память. Не только офицеров, но и всю нашу команду он знал в лицо, а также знал и все свои шлюпки.

На время посещения царя Вторника загнали в машинное отделение. Он примирился с этим и, обходя работающие вспомогательные механизмы, обнюхивал их, как и полагается по собачьим правилам. Вдруг его стоячие уши насторожились. Через световые люки донеслась до машины еле слышная любимая им команда вахтенного начальника:

– Катер к правому трапу!

Вторник сорвался с места и с привычной ловкостью понесся по трапам вверх. Двери в машинное отделение были кем-то открыты, и он выскочил на верхнюю палубу. Первым делом, как это всегда бывает у собак, сорвавшихся с цепи или вырвавшихся на волю из конуры, Вторник сладко потянулся и встряхнулся всем телом. Потом он высоко поднял голову с торчащими ушами и огляделся. Видимо, ему хотелось разобраться: что здесь происходит, кто уезжает и за кем надо поспевать. Уже одно его появление здесь смутило судовое начальство. Но Вторник еще больше накуролесил. Он увидел группу людей, направляющихся к знакомому трапу, и, обгоняя ее, с радостным лаем пустился галопом по палубе. В этой напряженной обстановке, когда в присутствии коронованного гостя и высших чинов флота люди как будто оцепенели и даже сдерживали дыхание, вольность движений собаки привела судовых офицеров в такой ужас, словно им угрожал немедленный провал в морскую пучину. Что-то страшное надвинулось на корабль – ведь Вторник в своем неудержимом порыве попасть на катер может столкнуться царя с трапа в воду. Что тогда будет? Командир, сгибая дрожащие колени, стал ниже ростом и приоткрыл рот, как будто хотел крикнуть и не мог. Старший офицер даже крикнул и для чего-то поднял к треугольной парадной шляпе и левую руку. Лейтенант Вредный втянул голову в плечи, словно на него замахнулись кувалдой. Растерялись и остальные офицеры: одни побледнели, у других задержались губы. Можно безошибочно сказать, что перед каждым из них стоял один и тот же жуткий вопрос: из-за чего придется пострадать? Из-за собаки, паршивой дворняжки. Вероятно, в это мгновение она возбуждала у судового начальства такую ненависть к себе, что участь ее была решена: после смотра она с балластом на шее полетит за борт.

Великий князь Алексей Александрович, оглянувшись, укоризненно качнул головой Рождественскому, а тот, стиснув челюсти, посмотрел на офицеров таким уничтожающим взглядом, который как бы говорил: «Ну, всем вам конец: разжалуют в матросы».

Царь в этот момент находился на нижней площадке трапа. Он только что хотел шагнуть на катер, как к его ногам кубарем скатился Вторник. Царь дернулся и, ухватившись за поручни, неловко изогнулся. Один из мичманов, стоявших на площадке трапа в качестве фалрепных, оторопел, но другой не растерялся и, схватив Вторника за шею, крепко прижал его к себе. Все это произошло в несколько секунд, и все ждали, что сейчас последуют страшные взрывы

молнии и грома. Но царь, опомнившись, вдруг заулыбался и, погладив пса по спине, ласково промолвил:

– Ах, собачка. Какая милая собачка.

И шагнул на катер.

Напряженная атмосфера сразу разрядилась. Вся раззолоченная императорская свита, словно по команде, заулыбалась. Каждый из высших чинов, начиная с великого князя и кончая адмиралами, считал своим долгом, спустившись по трапу, погладить Вторника, и каждый приговаривал на свой лад:

– Удивительный пес.

– Славная собака.

– У него исключительно умные глаза.

– Красавец, какого редко можно встретить.

И даже всегда мрачный Рожественский изобразил на своем суровом лице улыбку и, потрепав по спине Вторника пробасил:

– Четвероногий моряк. Видать – патриот.

Оживилось и наше судовое начальство. Командир выпрямился, улыбнулся и стал выше ростом. Старший офицер опустил левую руку и браво выпятил грудь. Просияли и остальные офицеры, точно им предстояло получить высочайшую награду. Теперь каждый из них смотрел на собаку с таким восторгом, как будто она совершила выдающийся военный подвиг.

Только Вторник не радовался. Удерживаемый мичманом, он с недоумением смотрел на катер, не понимая, почему его на этот раз не пускают туда. Не понимал пес и того, что он удостоился такой великой монаршей милости, которая осчастливила бы любого человека из экипажа «Орла».

Паровой катер отвалил от трапа.

Царскосельский суслик, как прозвали царя революционно настроенные матросы, отбыл на другие корабли.

6. Царь и кайзер

Вспомнились торжества, происходившие на этом рейде в 1902 году. Здесь состоялось знаменитое свидание двух императоров: Николая II и Вильгельма II. Отсюда началась головокружительная карьера адмирала Рожественского, который тогда, командуя учебно-артиллерийским отрядом, держал свой флаг на крейсере «Минин»; отсюда протянулись невидимые нити к дальневосточной войне.

День 24 июля был ясный. На ревельском рейде скопилось четырнадцать крупных военных судов и пятнадцать миноносцев.

Только два корабля, построенные в Америке, выделялись своей белизной – «Варяг» и «Ретвизан», а остальные были выкрашены в черный цвет. Тут же стояли императорские яхты «Штандарт» и «Полярная звезда», пришедшие еще накануне. Все высшие чины Балтийского флота находились теперь здесь. Берег и стенки гавани были усыпаны народом, пришедшим посмотреть на небывалое событие.

С раннего утра, волнуясь, ждали появления Вильгельма. Наконец на горизонте, за островом Нурген, показались дымки немецкой эскадры. Навстречу ей сейчас же двинулись яхты и крейсер «Светлана». Туда же, увозя знатных зрителей, направились и несколько частных пароходов, изящно убранных зеленью.

В восемь часов все наши корабли расцвелились флагами. Издали доносились выстрелы обменных салютов. А два часа спустя встретившиеся суда уже приближались к рейду. В состав немецкой эскадры входили броненосный крейсер «Принц Генрих», крейсер «Нимфа», миноносец «Слейпнер» и яхта «Гогенцоллерн». Все они щеголяли белой окраской. Вильгельм успел

уже пересестъ с собственной яхты на русскую, и теперь оба императора стояли на мостике «Штандарта».

Каждый наш корабль, окутываясь пороховым дымом, отсалютовал в честь кайзера тридцатью одним выстрелом. Грохот стоял, словно на войне. На флагманских судах и яхтах гремели оркестры: немцы играли русский гимн, наши – немецкий. На мостиках русских и немецких судов собрались офицеры в пышных нарядах, парадной форме, а на верхних палубах, вдоль бортов, расположились фронтом матросы в белых с синими воротниками форменках. Часть команды облепила ванты, эти веревочные лестницы, ведущие на мачты, а на «Первенце» и «Кремле», судах с парусным вооружением, матросы забрались на реи, выстроившись на них в шеренгу. Отовсюду, перекачиваясь, несло громкое «ура».

После обеда, часа в три, на кораблях учебно-артиллерийского отряда флаги расплывались были спущены. Офицеры переоделись в обычную форму. Все приготовились показать высочайшим особам свое артиллерийское искусство.

Оба императора прибыли на крейсер «Минин». Вместе с ними явились принц Генрих и шеф нашего флота великий князь Алексей Александрович, управляющий морским министерством Тыртов, немецкий морской министр Тирпиц, адмиралы и чины обеих императорских свит. Никогда еще на борту нашего судна не было столько знатных лиц.

Весь наш отряд, снявшись с якоря, пошел на маневры и стрельбу.

На мостике было тесно. Помимо прибывших посетителей, здесь присутствовали командир судна и адмирал Рожественский со своим штабом. Я тоже стоял там, приютившись в уголке. На моей обязанности лежало следить за падением снарядов и отмечать в тетради их недолеты, перелеты и попадания.

Николай был в форме немецкого адмирала. Вильгельм, наоборот, нарядился в форму русского адмирала с голубой андреевской лентой. Наш маленький незаметный царь большого государства в присутствии своего коллеги оставался в тени. Внимание всех привлекал кайзер. Необыкновенно высокие каблуки увеличивали его средний рост, а его грудь выпячивалась колесом, очевидно от ваты, заложенной под мундир в большом количестве. Он был довольно статен, с необычайной военной выправкой, с уверенной походкой. Левую, плохо действующую руку, которая была короче правой, он засовывал за борт адмиральской формы, скрывая этим свой физический недостаток. Иногда с той же целью Вильгельм, меняя позу, опирался левой рукой на эфес сабли. Когда он разговаривал с царем своим высоким тенором, то правая сторона его губ слегка подергивалась. Шрам на щеке, густые, лихо поднятые вверх русые усы, словно ухватом подпирающие прямой дородный нос, большие в темных ресницах глаза, твердо смотревшие из-под треугольной морской шляпы, а также весь его облик, его манера держаться – все это придавало ему вид свирепой воинственности.

Среди этих знатных лиц я чувствовал себя так же, как может чувствовать себя человек, забравшийся на верхушку высокого дерева, на тонкие и ненадежные ветви. Сделай малейшую оплошность – полетишь вниз головой. Нервный холодок пробежал по спине. Обмундирование на мне аккуратно было пригнано, что я проверил сотню раз, и сам я был весь подтянут. И все-таки не переставала тревожить мысль: вдруг оторвется пуговица от штанов, расстегнется ремешок или повернусь не так, как полагается? Что тогда со мной сделают?

Корабли учебно-артиллерийского отряда, развеивая боевыми флагами, производили эволюции. Красивую картину представляли они, когда проделывали всякие повороты, принимая то строй кильватерной колонны, то строй фронта. Эти грандиозные плавающие крепости маршировали на воде с такой легкостью, как взвод солдат на суше.

Загремели пушки. Сначала стреляли по щитам, поставленным на острове Карлос, а потом – по щитам, буксируемым миноносцами.

Рожественский, казалось, не замечал ни царя, ни кайзера и только напряженно следил за своими кораблями. Иногда покрикивал:

– Чаше стрелять!

А когда заметил, что одно судно сделало какую-то ошибку, то, по обыкновению, рассердился и, не стесняясь присутствием высочайших особ, выбросил за борт бинокль. Капитан 2-го ранга Клапье-де-Колонг подал ему свой. Царь, заметив это, улыбнулся.

Три часа продолжались маневры и стрельба. На этот раз попадали в цель лучше обыкновенного. По крайней мере, все щиты были повалены, что меня крайне удивило.

По окончании маневров и стрельбы Вильгельм, поздравляя своего коллегу, сказал:

– Я был бы счастлив, если бы у меня во флоте были такие талантливые адмиралы, как ваш Рожественский.

Это он говорил при Тирпице, который находился здесь же. Конечно, Вильгельм хитрил, но Николай поверил ему и, дорожа его мнением, счастливо заулыбался. Он сначала расцеловал шефа нашего флота великого князя Алексея Александровича, а потом Рожественского. Адмирал, в порыве верноподданнических чувств, нагнулся, схватил царскую руку и крепко прильнул к ней губами, но тут же выпрямился и, желая усилить произведенное впечатление на коронованного повелителя, твердо заявил:

– Вот бы когда нам повоевать, ваше императорское величество.

Сейчас же высочайшим приказом Рожественский был зачислен в свиту его величества.

А вечером, когда писаря с миноносцев приехали к нам за почтой, мы узнали от них интересные новости. Они рассказывали, будто буксируемые щиты были, что называется, шиты на живую нитку и падали от сотрясения воздуха, если близко около них пролетал снаряд, а на острове Карлос щиты были укреплены так слабо, что валились от попавшего в них осколка или камня.

Выходили на стрельбу и ночью. А на второй день высаживали десант на берег. Затем устраивали примерное сражение, в котором один отряд судов нападал на другой.

Торжество продолжалось три дня. По ночам ревельский рейд представлял собою волшебное зрелище. На мачтах императорских яхт горели огнями штандарты. Все суда, как наши, так и немецкие, были иллюминированы. На некоторых борта были обведены сверкающими пунктирами. На других Андреевский кормовой флаг был сделан из электрических лампочек. Выделялся флагманский крейсер «Минин» – над ним повисли огненные вензеля «W» и «N», увенчанные красными коронами.

Оба императора, казалось, соперничали друг перед другом своею щедростью. Вильгельм подарил царю золотой письменный прибор. Николай не остался в долгу и в свою очередь подарил своему коллеге золотой боярский шлем, украшенный драгоценными камнями. Не были обойдены вниманием и адмиралы: их наградили разными орденами.

Часа в четыре пополудни 26 июля немецкая эскадра снялась с якорей и направилась в море под крики «ура» и прощальный салют, загрохотавший с обеих сторон. Яхта «Штандарт» пошла проводить дорогих гостей. Когда немецкая яхта «Гогенцоллерн» подходила к острову Нарген, на мачтах ее взвился сигнал по международному своду: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

На «Штандарте» не сразу поняли смысл этого сигнала. Потом подняли в ответ флаги, означающие: «Ясно вижу».

И еще добавили по приказанию царя: «Благодарю. Желаю счастливого плавания».

Лукав был Вильгельм. Сигнал его нужно было понимать так: себя он в будущем считает адмиралом Атлантического океана, а нашему царю советует стать адмиралом Великого океана. Николай еще раз поверил своему другу. С того времени у нас на Дальнем Востоке началось лихорадочное оживление. На ревельском именно рейде в царской голове созрела идея войны с Японией. Здесь же кайзер получил согласие Николая на занятие китайского порта Циндао.

В результате этого свидания двух императоров повезло и Рожественскому. Вскоре он стал начальником Главного морского штаба.

На этой должности ему пришлось пробыть до тех пор, пока его не назначили командующим 2-й Тихоокеанской эскадрой.

7. Идем в Либаву

За ночь эскадра далеко продвинулась в море.

Утро следующего дня на «Орле» началось обычным порядком, установленным одинаково для всех военных судов: ровно в пять часов над люком верхней палубы просвистела дудка, а вслед за ней раздался знакомый голос вахтенного унтер-офицера:

– Вставай! Койки вязать!

На броненосце, в жилых его помещениях, там, где спали матросы, понеслась эта команда, повторяемая палубными старшинами. Выкрики сопровождалась руганью, забористой и крепкой, точно спирт. Вся жилая палуба моментально пришла в движение, загомонила человеческими голосами. Быстро, словно обрызганные кипятком, люди выбрасывались из своих подвесных коек, соскакивали с рундуков. Необходимо было торопиться, чтобы в короткое время успеть одеться, а потом, завернув постель в парусиновую койку, аккуратно зашнуровать ее, придав ей вид кокона.

Через десять минут слышалась другая команда:

– Койки наверх!

Сотни людей бросились к выходным трапам, опережая друг друга. На верхней палубе они рассыпались вдоль коечных сеток, устанавливали в них койки, номерками наружу. Опоздавшим попадало от начальства.

После этого бежали к общим умывальникам, похожим на длинные желоба, с большим числом кранов над ними. Здесь было тесно. Толкая друг друга, наскоро споласкивали лицо забортной соленой водой.

– На молитву!

От такого призыва, словно от кнута, многие из матросов старались увильнуть, прячась по разным отделениям. Остальные собрались на верхней палубе. Появился священник о. Паисий и затянул «Отче наш». Ему помогали сотни голосов. Каждое утро мы пели так молитвы, предварительно наслушавшись отчаянной ругани и сами в досталь наругавшись.

Эскадра в походе. Вид с броненосца «Князь Суворов»

Полчаса полагалось на завтрак. Так как свою порцию сливочного масла каждый получал отдельно, а трех фунтов хлеба хватало всем с избытком, то с едой и питьем чая не торопились. Можно было поговорить и посмеяться. Некоторые, покончив с завтраком, задумчиво засматривались на море, на идущие по нему корабли.

Кругом было уныло и серо. С перерывами моросил мелкий дождь. Холодный ветер колыбал море. По временам наползал туман, укорачивая расстояние видимости.

Эскадра наша, построенная в две кильватерные колонны, шла вперед, к мутному горизонту. В правую колонну входили броненосцы: «Князь Суворов», «Император Александр III», «Бородино» и «Орел», транспорт «Камчатка», представляющий собою плавучую мастерскую, крейсера: «Аврора», «Светлана», «Алмаз». Левую колонну составляли броненосцы: «Ослябя», «Сисой Великий» и «Наварин», крейсера: «Адмирал Нахимов» и «Жемчуг» и транспорт «Анадырь». Кроме того, за последними все время держались миноносцы: «Бедовый», «Блестящий», «Быстрый», «Буйный», «Бравый», «Бодрый» и «Безупречный». Но сейчас эти миноносцы, согласно распоряжению командующего, отделились от эскадры и, пользуясь преимуществом в ходе, начали опережать ее. Скоро они скрылись за горизонтом.

На мачтах флагманского корабля «Суворов» то и дело взвивались сигналы. Все остальные суда немедленно репетовали их, поднимая у себя такие же флаги. Броненосец «Бородино», шедший впереди нас, почему-то часто рыскал вправо и влево, за что получил от командующего выговор.

С семи часов утра на «Орле» начиналась уборка. Мыли палубу, чистили медные части, всюду обтирали пыль. За работой наблюдали вахтенные: начальник, офицер и унтер-офицеры.

На этот раз в качестве вахтенного офицера был молодой мичман, светлый блондин, прозванный матросами Воробейчиком. Лицо у него было нежное, мальчишеское, с беззаботно-серыми глазами под сверкающими стеклами пенсне. Маленький и суетливый, быстро

выпаливающий слова, он все время крутился, появляясь то на мостике, то на палубе, и заносчиво покрикивал на матросов искусственным баском:

– Рвань капустная! Вы не работаете, а только воздух портите на корабле. Нужно хорошенько лопатить палубу.

Ему трудно было угодить. Кричал он без всякого толка, иногда пуская в ход кулаки. Матросы ненавидели его и ворчали по его адресу:

– Расчирикался наш Воробейчик.

– Самая бесполезная птица на свете.

– Воробью положено в конском навозе копать, а он при кортике ходит и повелевает.

Не таков был вахтенный начальник, лейтенант Славинский, и по своему характеру, и по внешнему виду. В меру ростом, плотный, он при всяких обстоятельствах не выходил из душевного равновесия, а его лицо, рыжеватое, усыпанное веснушками, всегда сохраняло выражение полного спокойствия. Считался понимающим офицером.

Как полагалось, через три четверти часа уборка на корабле была закончена. Ничто не давало повода ни старшему офицеру, ни командиру к чему-либо придрататься. Убедившись в этом, Славинский крикнул:

– Боцман, рапорт!

Кондуктор Саем, этот прожженный сорокалетний морской волк, находился поблизости. Твердыми шагами он направился к вахтенному начальнику, на ходу подкручивая свои густые усы. Остановился. Резко подкинув правую руку к козырьку, а левой передавая написанную рапортичку, заговорил:

– Ваше благородие, на эскадренном броненосце «Орел» состоит...

Дальше он перечислял сведения из рапортички – сколько на судне команды, сколько больных и арестованных, какое количество тонн угля, на какое время хватит пресной воды и машинных материалов.

Вахтенный начальник приблизился к старшему офицеру Сидорову и, передавая ему рапортичку, повторил все, что слышал от боцмана.

За пять минут до восьми часов, когда на мачтах «Суворова» взвился сигнал «приготовиться к подъему флага», он громко провозгласил распоряжение:

– Караул, горнисты и барабанщики наверх! Команда наверх повахтенно во фронт! Дать звонок в кают-компанию!

Церемониал продолжался дальше.

На палубе выстроились: караул, горнисты и барабанщики на левых шканцах, офицеры на правых, команда на шкафуте повахтенно.

В то же время рассыльный побежал доложить командиру, что к подъему флага все готово, и когда капитан 1-го ранга Юнг появился на палубе, вахтенный начальник скомандовал:

– Смирно!

Сейчас же подал голос караульный начальник:

– Слушай! На кра-а-ул!

Человек десять матросов привычным движением подбросили вверх винтовки и держали их перед собою, как свечи, до тех пор, пока не поздоровался с ними командир и пока не скомандовал им «к ноге».

После этого к командиру последовательно начали подходить с рапортом: старший офицер, старший врач и старшие специалисты. Выслушав их всех, он здоровался с офицерами, потом с кондукторами и, наконец, с командой.

До самого торжественного акта осталась одна только минута. Вахтенный начальник распорядился:

– На флаг!

А ровно в восемь часов, стараясь не отстать ни на одну секунду от броненосца «Суворов», громко и протяжно, с дрожью в повышенном голосе, скомандовал:

– Смирно! Флаг поднять!

Кормовой флаг с синим андреевским крестом, поднимаемый сигнальщиками, развеваясь, медленно шел вверх, к ноку гафеля. В это время винтовки брались «на краул», все офицеры и команда снимали фуражки, горнисты и барабанщики играли «поход», унтер-офицеры протяжной трелью свистали в дудки, а баковый вахтенный отбивал восемь склянок. С флагманских кораблей доносилась музыка духового оркестра.

Церемониал кончился.

– Команде разойтись! Караул вниз.

Новая смена вступила на вахту. Начались судовые работы и обучение по специальностям. Это продолжалось два с половиной часа, пока с мостика не возвестили:

– Окончить все работы! В палубах прибраться!

В камбузе кок готовился подать начальству пробу командного обеда. В блестящую никелированную миску он налил супу, подкрасил его наваром янтарного жира, заправил сметаной, занятой у офицерского повара, и положил в него лучшее мясо, нарезанное ровными кусочками. Хотя такая пища была взята из общего котла, но она очень отличалась от той, что давали матросам. Когда на никелированный поднос были поставлены миска с супом, тарелка с ломтиками хлеба, солоничка с солью, положены ложка и салфетка, кок спешно стал переодеваться в белый фартук и такой же колпак. Ровно через пятнадцать минут в камбуз заглянул старший боцман Саем и спросил:

– Проба?

– Готова, господин боцман.

Здоровенный кок, держа перед собой поднос, вышел из камбуза и, сопровождаемый боцманом, направился на передний мостик. Вздвигаясь, он шагал медленной поступью, с таким торжественным видом, точно нес священные дары. Боцман, подняв руку к козырьку, доложил вахтенному начальнику, лейтенанту Павлинову:

– Проба готова, ваше благородие.

При этом обязательно должен был находиться старший офицер.

Такой порядок был на всех военных судах. Лейтенант Павлинов, повернувшись к Сидорову, отрапортовал:

– Господин капитан второго ранга, проба готова.

Из ходовой рубки вышел сам командир и, выслушав такой же доклад от старшего офицера, принялся за пробу. Ел неторопливо, со вкусом, долго. Кок, держа перед ним поднос, застыл в каменной позе. А остальные трое, глядя на главу судна, отдавали ему честь. К этому времени на судне у каждого человека желудок требовал пищи. А в данном случае возбужденный аппетит давал чувствовать себя еще больше. Сидоров на своем усатом лице выразил один вопрос: останется ли для него суп или нет? Лейтенант Павлинов, этот здоровенный мужчина, стиснул челюсти; вздрагивали ноздри его породистого носа. Кондуктор Саем подался туловищем немного вперед и, выкатив глаза, смотрел на командира, словно удав на свою жертву.

Капитан 1-го ранга Юнг, положив ложку на поднос, тщательно вытер усы и сказал ласково:

– Суп хорош. Только в следующий раз прибавь перцу. Чуть-чуть побольше.

– Есть, ваше высокоблагородие, – ответил кок.

После командира, соблюдая очередь по чинам, принялись за пробу остальные. Хлебали той же ложкой, вытирали усы той же салфеткой.

Такая процедура повторялась каждый день.

Сейчас же, по распоряжению с мостика, я и старший баталер Пятовский вынесли из ахтерлюка на верхнюю палубу две ендовы с вином: одна для нечетных номеров, другая для четных. В одиннадцать часов вахтенный начальник распорядился:

– Свистать к вину и на обед!

Залились дудки капралов. Среди команды началось оживление. Одни из матросов, гремя железными укреплениями, спускали на палубах подвесные столы, другие, схватив медные баки, мчались к камбузу, третьи, те, что любили выпить, спешили к той или другой ендове, выстраиваясь в очередь. На каждого полагалось полчарки водки, а еще полчарки – вечером, перед ужином. Пили водку с наслаждением, покрывали и отпускали шутки:

– Эх, покатила, родная, в трюм моего живота!

– Хорошо обжигает.

– А за границей ром будут выдавать. Тот еще лучше.

– Крепись, душа, – залью тебя сорокаградусной.

– За семь лет службы я этих полчарок выпил у царя пропасть – более четырех тысяч.

Начался обед. В дальнейшем мы, вероятно, перейдем на солонину, но теперь у нас хранился запас свежего мяса. Полагалось его по три четверти фунта на каждого человека в день. Флотский суп с большим количеством капусты, картошки, свеклы, моркови, луку, приправленный подбелкой из пшеничной муки, красным стручковым перцем, был густ и наварист. Тут нельзя было зевать ни одной минуты, если только не хочешь остаться голодным. Жадность к пище одних заражала других. Около каждого бака проворно мелькали десять ложек, совершая воздушные рейсы от супа ко рту и обратно, и одновременно работали, звучно чавкая, десять пар человеческих челюстей. Глаза, загораясь животной страстью разыгравшегося аппетита, напряженно смотрели на середину стола, туда, откуда било в нос приятно раздражающим запахом. Молчаливые и только сопящие носом, с потными и багровеющими лицами, люди производили такое впечатление, как будто они выполняли непосильную работу.

После обеда до половины второго полагался отдых, а потом полчаса давали на чай.

Но мне было не до этого. Эскадра 29 сентября приближалась к Либаве. Я смотрел вперед, туда, где обозначились песчаные берега. За ними, немного отступив от моря, густо раскинулся лес, покачиваясь от ветра, словно тяжело взбираясь на возвышение. По мере нашего приближения выплывали из туманной мглы здания порта Александра III, фабричные трубы, огромный элеватор. Миновав плавучий маяк, эскадра зашла за каменный волнолом и бросила якорь в довольно просторном аванпорте. Ушедшие вперед миноносцы стояли уже здесь.

8. Последняя ночь у родных берегов

Трое суток прошли в большой суматохе. Мы догружались углем, разным материалом и свежей провизией. На некоторых судах даже ночью не прекращалась работа, производимая при ярком свете дуговых ламп. Погода стояла холодная и бурная. Море ревело, перебрасывая волны через каменный мол. Водная ширь сузилась, нахлобученная тучами, словно лохматой папай.

Военный порт еще не был окончательно оборудован. Он расширялся и достраивался. Со временем он должен будет заменить собою Кронштадт и стать первым портом на Балтийском море и главной базой нашего флота. А пока большое оживление было лишь в Коммерческой гавани. Не замерзая зимою, она работала круглый год. Вот почему со всех концов России катились вагоны в Либаву, подвозя сюда экспортные товары: хлеб, масло, жмыхи. А отсюда сотни пароходов под флагами разных наций, наполнив грузом трюмы, расходились по иностранным портам.

Как-то вечером, желая скорее ознакомиться с организацией эскадры, я начал просматривать приказы командующего. В одном из них, в № 4, был объявлен список штабных чинов,

среди которых я встретил знакомую фамилию. Это был капитан 2-го ранга Курош, зачисленный в штаб в качестве флагманского артиллериста. Какое счастье было и для меня, и для других матросов, что ни Рождественский, ни Курош не находятся на нашем судне! С этими лицами я проплавал три кампании на крейсере «Минин», и об этом времени у меня осталось самое безотрадное воспоминание.

Тогда Курош был только лейтенантом и занимал на крейсере должность старшего офицера. Ростом выше среднего, вытянутый, он был сух и жилист. Черная кудрявая бородка подковой огибала его цыганское лицо, всегда злое, хищное, с глазами настороженной рыси. Полсотни офицеров не могли бы причинить столько горя матросам, сколько причинял им этот один человек. Передышка на судне наступала только тогда, когда он перегружал себя водкой. В пьяном состоянии он начинал плакать, распуская слюни, и лез к нижним чинам целоваться. Некоторым давал деньги – от рубля и больше. Иногда выкрикивал, мотая головою:

– Братцы мои! Простите меня! Сердце мое все в ранах, в крови. Оттого я такой подлец. Мне тошно жить на свете. Я не дожусь того дня, когда вы разорвете меня в клочья...

Совсем по-другому Курош вел себя в трезвом виде. Не проходило одного дня, чтобы он собственноручно не избил пятнадцать-двадцать человек из команды. Это было для него своего рода спортом. Провинившегося матроса он долго ругал, постепенно повышая голос, как бы накаляя себя. А потом закидывал руки за спину, и это был верный признак того, что сейчас же начнется расправа. Так поступал он всегда. Долгое время я не понимал этого приема. Матросы пояснили мне. Оказалось, на пальце правой руки он носил перстень с драгоценным камнем. Закинув руки назад, Курош поворачивал перстень настолько, чтобы можно было зажать в кулак драгоценный камень: так лучше не потеряешь его. И только после этого обрушивались на матроса удары.

Иногда Курош применял наказания более утонченные, с некоторой долей фантазии.

Однажды гальванер Максим Андреевич Косырев обратился к нему после завтрака с просьбой:

– Ваше высокоблагородие, разрешите мне сегодня на берег?

– Зачем?

– В церковь сходить. У меня сегодня день ангела.

Курош переспросил:

– День ангела, говоришь?

– Так точно, ваше высокоблагородие!

Курош подумал с полминуты, а потом, как бы сочувствуя тому, промолвил:

– Иди за мною.

Привел гальванера на рубку и, не повышая голоса, приказал:

– Стой здесь и смотри на небо. Как только увидишь своего ангела, сейчас же доложишь мне.

Косырев, не понимая такого распоряжения, удивленно уставился на старшего офицера, а тот сразу заревел:

– Я тебе приказал на небо смотреть! А ты не слушаешься!

Ударив кулаком в подбородок, он схватил руками голову гальванера и запрокинул ее назад. Целый час Косырев стоял на рубке и все смотрел на небо. Перед подъемом флага к нему поднялся Курош и спросил:

– Видел своего ангела?

– Никак нет, ваше высокоблагородие!

– Ну ладно, отправляйся на берег.

Многие из матросов на судне старались завести дружбу с коком. От него, когда он резал мясные пайки, можно было получить кость. Счастливцев в таких случаях скрывался в «шхе-

рах» – за двойным бортом или в каком-нибудь закоулке судна, чтобы не попасться на глаза начальству. Там в одиночестве он отшлифовывал зубами свою добычу до блеска.

Так водилось на всех кораблях, так было и на крейсере «Минин».

И вот как-то наш писарь 2-й статьи Охлобыстин получил от кока здоровенную кость от бычьей ноги – сочную, с махрами мяса, с мозгами. Но не успел он отойти от камбуза, как на него, словно ястреб, налетел Курош. На этот раз обошлось без мордобития. Старший офицер приказал писарю взять кость в зубы, а потом повел его, схватив за ухо, на бак. Два часа виновник простоял с костью в зубах, словно собака, бледный, не знающий, куда спрятать глаза от стыда.

Нарвался и я однажды на Куроша. Он увидел у меня книжку: «Введение в философию» Паульсена.

– А, ты вот что читаешь!

И начал кричать на меня, потрясая кулаками. Не удовлетворившись этим, он произвел в моих чемоданах обыск, и около полусотни моих любимых книг полетело за борт. Но я был неисправим. Только с этих пор мне пришлось добывать знания более осторожно, так же как уголовный преступник добывает чужое добро, – воровским путем.

Некоторые матросы пытались заявить адмиралу Рождественскому претензии на Куроша, но после они раскаивались в этом.

Тогда решили о всех безобразиях старшего офицера написать адмиралу анонимное письмо. А чтобы не могли установить, чей почерк, нашли для переписки грамотного матроса с другого корабля. Пакет послали на имя начальника отряда заказной корреспонденцией.

Вечером, перед молитвой, когда все собрались на верхней палубе, вышел к нам сам адмирал и заорал, потрясая анонимным письмом:

– Кто писал эту гнусную клевету? Выйти вперед!

С минуту длилось на судне гробовое молчание. И вдруг разразился ураган брани и рева. Адмирал угрожал повесить автора письма на рее.

И тогда поняли, что никакими путями не добиться нам правды.

Трудно сказать, кто из них был более жесток – Курош или Рождественский.

Болезненно самолюбивый, невероятно самонадеянный, вспыльчивый, не знающий удержа в своем произволе, адмирал наводил страх не только на матросов, но и на офицеров. Он презирал их, убивал в них волю, всякую инициативу. Даже командиров кораблей он всячески третировал и, не стесняясь в выражениях, хлестал их отборной руганью. А те, нарядные, сами в орденах и штаб-офицерских чинах, пожилые и солидные, тянулись перед ним, как школьники. Во время маневров или стрельбы учебно-артиллерийского отряда мне самому нередко приходилось видеть, как на мачтах нашего крейсера взвивались флаги с названием провинившегося корабля и с прибавкой какого-нибудь позорящего слова: «гадко», «мерзко», «по-турецки», «по-бабы». Подобные издевательства выносили командиры без протеста, терпеливо и молча, как наезженные лошади.

За все время службы я ни разу не видел, чтобы мрачное лицо адмирала когда-либо озарилось улыбкой.

Среди наших офицеров были и передовые в своих взглядах на жизнь. Они сами возмущались такими типами, как Рождественский и Курош, но они бессильны были остановить их произвол. Значит, весь ужас заключался не только в отдельных плохих начальниках, потерявших человеческий образ, а в той системе бесправия, которая царила во флоте.

Мне оставалось благодарить судьбу, что я не попал служить на «Суворов». Наш броненосец возглавлялся гуманным командиром.

В сравнении с Курошем наш старший офицер казался добряком. Правда, любил пошуметь на матросов, поругаться, но уж такая была у него собачья должность. Во всяком случае, для нашего брата большого вреда от него не было.

Накануне отхода из Либавы я побывал в городе, куда можно было проехать из порта на трамвае. Здесь основную часть жителей составляли латыши, а к ним примешивались и другие национальности – немцы, поляки, евреи, русские. Это видно было и по церквям, – наряду с готической лютеранской киркой стояли красивая синагога, католический костел. А в порту, на горе, величественно возвышался православный собор, как символ русского владычества над остальными народностями. Бойко торговали магазины, где приказчики разговаривали на всех европейских языках. Посетил я знаменитую кондитерскую, славившуюся производством марципанных пряников, тортов, всевозможных фигур животных, рыб и птиц. Потом вздумал зайти в книжный магазин. Когда я рассматривал, стоя у прилавка, литературные новинки, вдруг около меня раздался голос:

– Книжки выбираешь?

Я повернулся и вздрогнул. Передо мной стоял офицер в намокшей от дождя накидке – наш инженер Васильев. Из отзывов матросов, главным образом машинистов, я уже знал о нем как о самом лучшем начальнике. И теперь из-под козырька флотской фуражки с молодого лица тепло смотрели на меня карие умные глаза, а под пушистыми черными усами играла поощрительная улыбка. Успокоившись, я ответил:

– Так точно, ваше благородие, хочу на дорогу кое-что купить себе.

– Хорошее дело. Значит, любишь книги?

– Есть такая слабость у меня – увлекаюсь чтением.

Васильев, расспросив, что меня больше всего интересует из литературы, сказал:

– Когда будем в пути, приходи ко мне за книгами.

Такое отношение офицера к матросу удивило меня и вместе с тем насторожило.

– Благодарю вас. Я с удовольствием воспользуюсь вашей любезностью.

Я купил последние выпуски сборника «Знание» и, козырнув Васильеву, вышел из магазина.

Возвращаясь на броненосец, я встретился в порту со своим хорошим приятелем, писателем Устиновым. Годом раньше я плавал с ним на крейсере «Минин», а прошлой зимой служил вместе в экипаже учебно-артиллерийского отряда. Это был плотный парень, молодой моряк, весьма застенчивый. Прочитав на его фуражке надпись «Суворов» и пожимая ему руку, я спросил:

– Как, разве и ты на второй эскадре?

– Замели.

– Что делаешь?

– В штабе Рождественского служу.

– Ну, брат, я тебе не завидую. Останешься ты без барабанных перепонок, как это случилось со многими его писарями.

Устинов с грустью признался:

– Да, трудно служить с ним. Сумасшедший бык. Того и гляди поднимет на рога. На нашем броненосце всем достается от него. Я сижу на секретной переписке. Почему-то он ко мне благоволит. Только раз закатил в шею так, что я опрокинулся.

– Какие новости в штабе? Ты ведь все знаешь. Рассказывай скорей.

– Новости не совсем веселые. Морской технический комитет сообщает, что с броненосцами типа «Бородино» нужно быть особенно осторожными: совсем малую остойчивость имеют. При такой перегруженности они без войны могут перевернуться вверх килем, если маху дашь. Даже жутко было читать бумагу об этом. В ней целый перечень идет, какие меры нужно предпринимать, чтобы избежать катастрофы.

Я сказал:

– У нас впереди длинный путь. Давай, дружище, встречаться почаще. А то очень тоскливо.

Устинов оглянулся кругом и таинственно сообщил:

– Как бы нам не сократили этот путь.

– Кто? Почему?

– В штабе получены сведения, что японские миноносцы поджидают нас в датских проливах. Адмирал ходит мрачной тучей. Штабные чины тоже в тревоге.

Мы поговорили еще немного и, распростившись, пошли в разные стороны. Он торопился на почту, а я – на свое судно.

Аванпорт оказался для наших броненосцев недостаточно глубокий, а каменный мол плохо защищал нас от ветра и волн. Некоторые корабли, поворачиваясь на канатах, приткнулись к мели. Поэтому командующий после полудня, несмотря на плохую погоду, начал выводить эскадру на внешний рейд.

Вечером на «Орле» служили молебен. Офицеры и команда собрались в жилой палубе перед сборной церковью. Рыжебородый священник из монахов о. Паисий надтреснутым голосом подавал возгласы, хор из матросов пел. Молились с коленопреклонением «за боярина Зиновия (Рождественского) и дружину его».

Настроение у всех было мрачное. Слух о близости японских миноносцев каким-то образом докатился и до нашего броненосца, проник в команду. Многие думали, что, может быть, нас сейчас взорвут здесь же, на рейде. В разговорах чувствовалась подавленность.

Ночь была темная. Выл ветер в снастях, хрипло били волны в борта, скрежетали якорные канаты. У мелкой артиллерии дежурили комендоры и офицеры. Сторожевые суда светили прожекторами, а на мачтах эскадры вспыхивали огни сигналов.

В эту ночь я долго не мог заснуть, ворочаясь на своей подвесной парусиновой койке. Большинство электрических лампочек было выключено, а те, что горели, мало давали света. Вокруг меня и по всей жилой палубе, на расстоянии друг от друга в каких-нибудь пол-аршина, белели ряды подвесных коек, привязанных к бимсам. На них спали матросы. В полусумраке казалось, что это не койки висят на шкентросах, а держатся на потолке своими щупальцами какие-то длинные существа с выпученными вниз животами, странно молчаливые, кое-где шумно сопящие носом. Броненосец покачивался. В мозгу бессильно бились мысли, стараясь забежать вперед и угадать судьбу эскадры. Потом почему-то представлялся Курош, стучащий себя в грудь кулаком и с плачем раскаивающийся в своих преступлениях¹.

9. Далекий путь

С утра 2 октября наша эскадра, разбившись на четыре эшелона, начала последовательно сниматься с якоря.

После обеда с либавского рейда ушел последний эшелон, в котором находился и наш броненосец. Выстроились в две кильватерные колонны: в правой – «Суворов», «Александр III» и «Бородино»; в левой – «Орел», транспорт «Корея» и спасательный буксирный пароход «Роланд». Шли неторопливо, делая не больше десяти узлов.

Вчера, встревоженное ветром, ярилось море, а сегодня оно только зыбилось. Низкое и серое небо провожало нас слезами мелкого дождя. Матросы, находившиеся на баке, тоскливо оглядывались назад. За горизонтом исчезал последний русский порт.

– Не скоро теперь увидим родной берег, – сказал гальванерный старшина Степан Голубев, игрок на гитаре и любитель петь чувствительные романсы, и на его широком лице, словно от удивления, приподнялись брови.

---

¹ После Цусимы Курош командовал миноносцем «Бодрый» на Дальнем Востоке. 17 октября 1907 года на его корабле произошло восстание. Матросы убили своего командира и выкинули за борт.

Другой гальванерный старшина, Николай Романович Козырев, узкогрудый и всегда согнутый, с сухим рябоватым лицом, знаток русской и всеобщей истории, никогда не унывающий человек, весело промолвил:

– Да, месяцев через пять, не раньше.

– А может, и совсем не придется походить по русской земле, – недовольно отозвался мрачный гальванер Алференко.

Все трое были мои друзья. Беседуя с ними, я понял, что они уже знакомы и с нелегальной литературой. Считались хорошими и надежными товарищами.

Тут же находился и мой прежний знакомый, с которым я плавал на крейсере «Минин», кочегар Бакланов. Человек этот был чрезвычайно ленив и грязен, славился тем, что мог, забравшись куда-нибудь за двойной борт, проспять тридцать часов подряд. При своем низком росте весил около шести пудов, настолько он был широк. Покатый лоб с шишками, густые брови, широкий нос седлом, заплывшие и насмешливые глаза, презрительно вывернутые толстые губы, крупный и тупой, словно колено, подбородок – все эти черты выделяли его лицо из общей массы. Страдал он, несмотря на свою неповоротливость и малую затрату энергии, ожорством и постоянно жаловался:

– Казна с голоду не уморит, но и досыта не накормит.

Я никогда не забуду случая, какой произошел с ним три года назад. На верхней палубе крейсера «Минин» он столкнулся с Рождественским. Бакланов давно сменился с вахты, но, по обыкновению, был грязен. Адмирал рассвирепел и, призвав двух вахтенных унтер-офицеров, приказал им:

– Вымыть это чучело! Да хорошенько! Не жалеть ни соды, ни мыла! И песком продраить его!

Кочегара схватили, раздели догола и окатили из шлангов водою. Потом четыре здоровенных матроса взялись смывать с него грязь. Натирали, не жалея силы, песком голову, шею, лицо, уши и все остальные части тела. Кочегар ворочался, кряхтел, морщился. Опять поливали его из двух шлангов, струи которых били настолько сильно, что он едва удерживался на ногах; опять принимались надраивать его песком, как медяшку, стирая на нем кожу почти до крови. После этого мыли еще с мылом и содой. Через полчаса его нельзя было узнать: таким чистым и с такой тонкой и нежной кожей он, вероятно, был только в первый день своего рождения.

На «Орле» у кочегара был неразлучный земляк, минер, по прозвищу Вася-Дрозд. Так прозвали его за то, что он, сочиняя стишки, сам распевал их, как песни. Правда, стихи его были слабые, сентиментальные, со слезой, но матросам они нравились. Длинноногий, с большой вихрастой головой, он ходил, немного горбясь, как будто носил на себе тяжелый груз. Характеры у обоих были совершенно различные: один слишком ленив, махнувший на все рукой, другой слишком кипуч, мечтавший завоевать жизнь. Выходили они на бак как будто для того, чтобы обязательно поругаться между собою.

И сейчас кочегар Бакланов, сидя со своим другом на выступе двенадцатидюймовой башни, сказал:

– Уходим, Дрозд, в чужие моря.

– Ну и что же?

– Пой отходную.

– Почему отходную?

– Угробят тебя японцы.

– А тебя?

– Меня нет. А с тобой смерть сдружилась. Вижу это по твоим глазам.

Вася-Дрозд разразился бранью.

Но кочегар Бакланов был невозмутим и, как всегда в таких случаях, задал своему другу неожиданный вопрос:

– Скажи, Дрозд, сколько в хвосте у чайки перьев?

– Этого не знаю, но зато знаю другое: под хвостом у нее больше ума, чем у тебя в голове.

– С дурака на службе меньше спросу. И на что нашему брату нужен ум? Все равно в адмиралы не произведут.

Другие тихо разговаривали о каверзах японцев: через день или два мы обязательно встретимся либо с их подводными лодками, либо с миноносцами.

За кормой таяла последняя полоска русской земли. Кончено. Непосредственная связь с родиной оборвалась на долгое время. Кто из нас и каким путем вернется обратно?

В половине второго с мостика распорядились:

– Команде чай пить!

А в два часа пробили сигнал «дробь-тревогу».

Началось артиллерийское учение. Команда бегом занимала свои места. Прислуга орудий, как башенных, так равно и казематных, бросилась к своим пушкам. Торопливо снимали с них чехлы, из дульной части вынимали пробку, ставили на место прицел. Другая часть людей, открыв бомбовые погреба и крьюйт-камеры, быстро спускалась вниз, на самое дно судна. В этих помещениях было душно и жарко, матросы снимали с себя рубашки, чтобы свободнее было работать.

Для 75-миллиметровой артиллерии имелись отдельные погреба. Здесь патроны со снарядами грузились в особые беседки, которые по элеваторной трубе поднимались вверх, к пушкам. Наверху прислуга подачи, вынув патроны из беседки, клала их в ряд на брезент. Комендор, хозяин пушки, командовал:

– К заряду!

Замочный номер прислуги открывал затвор пушки, а подносчик вкладывал патрон со снарядом в казенную ее часть.

– Замок! – командовал хозяин пушки.

Замочный номер закрывал затвор и бросал предостерегающее слово:

– Товсь!

У нас на корабле старались научиться управлять артиллерией из боевой рубки по циферблатам. Такие приборы находились в каждой боевой башне, в каждом каземате и в батарейной палубе. Различные стрелки на них, передвигаясь с помощью электрического тока, показывали открытие или прекращение стрельбы, направление стрельбы, расстояние до неприятельского судна и род снарядов, какие должны употребляться в дело.

Когда пушка была готова к выстрелу, хозяин ее, взглянув на циферблат, командовал:

– Прицел восемнадцать кабельтовых, целик сорок пять!

Установщик прицела устанавливал прицел и целик на указанные цифры.

Хозяин пушки, действуя подъемными поворотными механизмами, наводил свое орудие на тот или иной предмет и производил выстрел, предварительно крикнув:

– Пли!

Но в данном случае выстрела не производилось, так как это было только учебное занятие. Пушку сейчас же разряжали, а потом снова начиналась та же тренировка людей, обслуживающих артиллерию. Все эти действия производились под наблюдением офицера – плутонгового командира.

Гораздо сложнее происходила в это время работа в башнях. Здесь от людей требовалось больше знаний. Прежде всего – что такое двенадцатидюймовая башня? Это – громоздкое сооружение с весьма тонким оборудованием. Через все палубы, начиная с верхней, прорезан широкий колодец, опускающийся почти до самого дна судна. На уровне верхней палубы этот колодец прикрыт платформой, которая может вращаться вокруг своей оси и на которой установлены станки для орудий. Платформа, орудия и станки обведены толстыми броневыми стенами из лучшей стали. Образованное помещение и сверху закрыто броневыми плитами. Такое

замкнутое со всех сторон помещение имеет лишь особые отверстия – амбразуры для тел орудий и небольшие щели для оптических прицелов. Вход в башню расположен на стороне, противоположащей орудийным амбразурам, и закрывается толстой стальной дверью. Вниз, опускаясь через колодец, проходит труба, прикрепленная к платформе и служащая для подачи снарядов и зарядов к орудиям. Сам колодец тоже защищен неподвижными броневыми плитами. Внутри башни и податочной трубы расположены многочисленные и очень сложные механизмы, работающие при помощи электрических двигателей (на некоторых судах – гидравлических). Эти механизмы производят следующие действия: они вращают башню вместе с орудиями, которые таким образом получают горизонтальную наводку; они качают орудия в вертикальной плоскости, придавая им тот или иной угол возвышения; они должны поднимать к орудиям снаряды и пороховые заряды; они открывают и закрывают орудийные затворы; они выполняют работу по непосредственному заряджению, вталкивая в пушку снаряд и порох.

Под башенным колодцем, на самом дне судна, в бомбовом погребе и крьюйт-камере, соединенных между собою дверями, собралось человек сорок матросов. Кипела работа. Прислуга подачи спешила брать из стеллажей двадцатипудовые снаряды, хватая их храпами тележки, передвигающейся по рельсу на потолке; потом подвозили их к орудийным зарядным столам и вкладывали в верхние гнезда. В это же время другие доставали из стеллажей крьюйт-камеры полузаряды бездымного пороха и также подвозили к зарядному столу, но вкладывали их уже в нижние гнезда. Два таких полузаряда весом в десять пудов шли на один выстрел. Затем, когда зарядный стол был нагружен, он посредством лебедки с гулом поднимался вверх, в башню, и останавливался так, что ось снаряда и ось орудия приходились на одной линии. К этому моменту замок орудия был уже открыт. А дальше раздавались те же команды и ответные слова, какие можно услышать и при мелкой артиллерии. Только хлопот здесь было больше. Башню с двумя орудиями обслуживали человек двадцать пять. И каждый из них выполнял свой номер в строгой последовательности, поворачивая тот или иной рычаг или нажимая на какую-нибудь рукоятку, чтобы привести в действие механизмы.

Возглавлял всех офицер – башенный командир. Он следил за общим ходом всех работ, а также должен был вычислить по таблицам стрельбы величину целика, принимая во внимание скорость хода своего и неприятельского корабля, курсовой угол, силу ветра, деривацию. Получив нужные данные, он смотрел на указания циферблата и потом уже командовал:

– Прицел сорок кабельтовых, целик сорок восемь!

Когда орудие было заряжено, комендор-наводчик в свою очередь командовал:

– От башни прочь! Башня вправо! Башня влево! Немного выше! Немного ниже! Еще чуть ниже!

Прислуга поворотных и подъемных механизмов непрерывно работала.

– Залп! – громко и всегда с тревогой в голосе выкрикивал наконец комендор-наводчик.

В этот момент должен был бы раздаться выстрел, но его не было, так как орудия заряжались не настоящими снарядами и зарядами, а только болванками.

Во время учения башенный командир, волнуясь, кричал и ругался:

– Опять, каналья, прицел неверно установлен! Надо пятнадцать, а у тебя пятьдесят четыре. Целик тоже наврал.

Случалось, вместо того чтобы поворотить башню влево, ее поворачивали вправо. И опять слышались раздраженные возгласы:

– Куда, куда поехал? Что за балда? Не может правой руки отличить от левой! О чем ты думаешь? На бак после раздачи коек! Там ты проветришься и помечтаешь!

У наших артиллеристов не было достаточной тренировки, и потому происходили все время заминки, промедления, перебои. Сбивало с толку еще и то, что в числе орудийной и башенной прислуги были и молодые матросы, и запасные, одни не кончили специальной школы, а другие успели забыть свою практику, и, кроме того, система орудий и установок

теперь была новая, не та, какую они изучали раньше. Плохо шло учение и в батарейной палубе, у мелких пушек.

У нас было около двухсот человек артиллерийской команды. Весь вопрос теперь сводился к тому, сумеют ли они в полной мере овладеть своим искусством ко времени встречи с японцами. А ведь морское сражение – это состязание артиллерии. Представим себе, что силы на той и другой стороне будут равные – у нас десять боевых кораблей, столько же и у противника. Но японцы могут стрелять в два раза быстрее, чем мы, да еще меткость их будет превосходить нашу в два раза. Что тогда получится? Сила противника в сравнении с нашей учетверится – иначе говоря, десять его кораблей как бы превратятся в сорок. Мы неизбежно подвергнемся разгрому.

Бывая на башнях, я не раз задумывался над тем, до какого усовершенствования дошли люди, изобретая орудия разрушения. Совсем по-другому обстоит дело с сельскохозяйственными орудиями. От мотыги мы перешли только к сохе, от сохи – к плугу. Ничтожный прогресс! До сих пор наша обширнейшая русская земля обрабатывается самыми примитивными орудиями, какие применялись в эпоху Ивана Грозного, тогда как орудия разрушения непрерывно заменяются новыми, лучшими, и те из них, что были пять лет тому назад, уже считаются устарелыми. Сейчас двенадцатидюймовый снаряд в момент выбрасывания из дула развивает колоссальную работу. Ее хватило бы на то, чтобы приподнять на несколько фунтов целый броненосец. Неужели и в дальнейшем человеческий мозг будет направлен главным образом в сторону уничтожения и убийств?

В половине шестого с мостика распорядились:

– Окончить все работы! На палубах прибраться!

А через полчаса засвистали дудки к вину и ужину. Ели гречневую кашу с маслом. Трудовой день кончился. Можно было петь песни и веселиться.

За пять минут до заката были вызваны наверх во фронт караул, горнисты и барабанщики, офицеры и обе вахты команды. Затем с теми же церемониями, с какими утром подняли кормовой флаг, теперь спустили его. Это произошло в тот момент, когда зашло солнце. Горнисты и барабанщики заиграли «на молитву». Караульный начальник скомандовал:

– На молитву! Фуражки долой!

Барабанщик прочитал «Отче наш».

По команде «накройсь» надели фуражки, постояли еще некоторое время, пока командир не принял рапорта от старшего офицера, и разошлись. Зажигались огни: отличительные, тоновые и гакабортные. Наступала ночь.

Через два дня эскадра остановилась около острова Лангеланд. За это время на некоторых судах произошли поломки: на броненосце «Сисой Великий» поломалась шлюпбалка, то же самое произошло и на «Жемчуге»; на «Роланде» лопнула главная питательная труба. Миноносец «Быстрый», приблизившись для переговоров к «Ослябе», навалился на его борт. В результате неудачного маневра он помял себе форштевень, испортил минный аппарат и получил подводную пробоину.

Засвежел ветер, а ночью разыгрался шторм. Но к утру 5 октября все стихло. Вместе с рассветом Лангеланд постепенно освобождался от тумана, словно сбрасывая с себя кисейные платя.

День обещал быть теплым. Приступили к погрузке угля.

Ледокол «Ермак» и пароход «Роланд» отправились вперед для траления пути перед эскадрой. Первый опыт, однако, не удался. В самом начале тралящие суда, неудачно маневрируя, порвали трал.

10. «Гулльский инцидент»

В датских водах, у мыса Скагена, 7 октября эскадра бросила якоря и приступила к погрузке угля. Здесь Рожеественский получил телеграмму, извещавшую, что он произведен в вице-адмиралы с пожалованием звания генерал-адъютанта. А через полтора суток произошло событие, нашумевшее своим скандалом на весь мир.

В два часа того же дня с флагманского судна было отдано распоряжение немедленно прекратить работу и приготовиться в дальнейший путь. Среди офицеров и матросов начались таинственные разговоры, передаваемые шепотом, с испугом в глазах. Оказалось, такая спешка была вызвана тревожными слухами о приближении к нам подозрительных миноносцев.

Командующий эскадрой принял самые строгие меры для охраны своих судов. Эскадра была разбита на шесть отрядов, и каждый из них уходил под руководством того или другого начальника.

Шестой отряд составляли наши четыре новейших броненосца, сопровождаемые транспортом «Анадырь». Мы и на этот раз снялись последними, в восемь часов вечера, когда уже стемнело.

«Наварин» донес, что видит два воздушных шара. На «Орле» пробили боевую тревогу. Люди бросились по своим местам. Задраили все двери и люки. На палубе и срезах, чтобы свободнее было стрелять, убрали вельботы, свалили шлюпбалки, тентовые и леерные стойки. Около каждого орудия, зарядив его, дежурили артиллеристы. Шли с потушенными огнями.

Ночь была тихая. Безоблачная высь переливалась золотыми гроздьями созвездий. Все выше поднималась луна, и серебристый свет ее расстился по ровной поверхности вод. Море замороженно молчало. В такую ночь только бы грезить о счастье, а мы находились в душевном смятении. Сотни глаз пристально смотрели по сторонам, подозрительно провожали каждый встречный пароход, стараясь определить, не враг ли это приближается...

Я стоял на верхней палубе, и в моей голове невольно возникали вопросы: неужели противник и здесь, в такой дали от своей базы, может напасть на нас? Как ему скрываться на такой торной дороге, где ходит много судов дружественных нам наций? Что это такие за вездесущие японцы? Разумом я не верил в их присутствие в этих водах, но на судне офицеры и команда с минуты на минуту ждали нападения. Нервы были так напряжены, что любую пролетающую птицу над нами мы могли принять за воздушный шар.

Боцман Воеводин, обращаясь ко мне, скорбел:

– Зря отослали вперед все миноносцы и быстроходные крейсера. Надо бы хоть парочку оставить при себе. В случае, появится какое-нибудь подозрительное судно, сейчас же послали бы их расследовать. И как это наш командующий не догадался, а?

– Стало быть, так нужно. Ему виднее, как поступить, – ответил я.

– Так-то оно так, но только бывает, что и на солнце затмение находит.

Около правого борта, против роств, собралось несколько матросов. Среди них находился кочегар Бакланов. Разговаривали настороженно, словно заговорщики. Один новобранец, пугливо озираясь, все расспрашивал о подводных лодках. Бакланов пояснил ему, вкладывая в свою речь как можно больше таинственности:

– Никак не увидишь ее, лодку-то. Под водой, окаянная, подкрадывается. Может, теперь уже подходит к нам, может, даже мину пустила. Тряхнет вот, и тут тебе могила.

– Неужто сразу? – спросил новобранец дрожащим голосом и, вытянув шею, начал смотреть за борт.

В этот момент Бакланов над самым его ухом издал резкий и отрывистый звук:

– Ха!

Матросы шарахнулись в стороны. А новобранец, вскрикнув, шлепнулся на палубу, а потом, вскочив, бестолково закрутил головою.

Бакланов рассмеялся:

– Эх, вояки! Даже кашля человеческого бояться.

Его обложили матом, а он как ни в чем не бывало спросил:

– А что, ребята, никто из вас не знает, во сколько времени в брюхе акулы может перевариться человек?

Позднее слева за горизонтом поднялся огненный столб. Это горело какое-то судно.

У нас явилось предположение, что там вероятно, сражаются с японцами наши передовые крейсера.

Спать легли поздно, не раздеваясь, половина экипажа всю ночь дежурила.

Под утро я снова вышел на верхнюю палубу и удивился, насколько изменилась погода. Слабый зюйд-вест нагнал густой и липкий туман. Державшийся впереди нас «Бородино» и следовавший за нами «Анадырь» совершенно не были видны. Прожекторы не в силах были прорвать непроницаемую мглу; не помогали также проникнуть в ее тайны ни бинокли, ни подзорные трубы. Кругом было мутно, и мы продвигались вперед слепые, словно находились в молоке. Казалось, весь мир растаял и превратился в прохладно-сырой пар, которому не было конца. Все предметы на судне потеряли свой прежний облик, становились неузнаваемо расплывчатыми, а люди ходили по верхней палубе или мостику, как загадочные тени. Впечатление таинственности усиливалось еще тем, что наши пять кораблей непрерывно перекликались сиренными гудками. Далеко впереди подавал свой могучий голос «Суворов», постепенно повышая ноты и напрягая звук, как будто взбираясь на гору, а потом, перевалив через нее, понижал до низкой, торжествующей октавы. Как только он замолкал, сейчас же, колыхая ночь, подхватывал рев «Александр III», за ним «Бородино», и затем уже наш «Орёл». Казалось, эти незримые великаны соперничают между собой силой своих железных легких. И весь этот странный предутренний концерт заканчивал шедший сзади нас «Анадырь» таким диким и безнадежным воплем, словно хотел предупредить нас о приближении страшного бедствия.

Днем туман рассеялся. Немецкое море было спокойно. Курс держали на французский портовый город Брест. Одно только было плохо – нервировал всех беспроволочный телеграф, перехватывая разные тревожные известия с наших передовых судов.

В ночь с 8 на 9 октября засвежел ветер, дошедший до четырех баллов. Начинался разгул волн, поддававших из-за борта. С неба, уплотненного тучами, сыпалась изморось, сгущая тьму.

В начале девятого часа плавучая мастерская «Камчатка» сообщила, что ее атаковали японцы. Она входила в отряд контр-адмирала Энkvиста и должна была находиться впереди нас, по крайней мере, миль на пятьдесят. Но у нее произошло какое-то повреждение в одной из двух машин, поэтому она отстала от своего эшелона и шла в одиночестве позади наших броненосцев.

Как после узнали, между «Камчаткой» и «Суворовым» произошел по телеграфу такой диалог:

– Преследуют миноносцы, – сообщила «Камчатка».

– За вами погоня? Сколько миноносцев и от какого румба? – спросил «Суворов».

– Атака со всех сторон.

– Сколько миноносцев? Сообщите подробнее.

– Миноносцев около восьми.

– Близко ли к вам?

– Были ближе кабельтова и более.

– Пускали ли мины?

– По крайней мере, не было видно.

– Каким курсом вы идете теперь?

– Зюйд-ост семьдесят.

Потом «Камчатка» просила показать ей место эскадры.

На это «Суворов» снова заговорил:

– Гонятся ли за вами миноносцы? Вам следует сначала отойти от опасности, изменив курс, а потом показать свою широту и долготу, и тогда вам будет показан курс.

– Боимся показать.

В одиннадцать часов «Суворов» телеграфировал:

– Адмирал спрашивает: видите ли вы теперь миноносцы?

Через двадцать минут был получен ответ:

– Не видим.

По отряду еще в девять часов вечера сигналом был отдан приказ командующего: «Ожидать атаки миноносцев сзади». На «Орле» давно уже пробили боевую тревогу. Были заряжены орудия, около них припасены в беседках снаряды и патроны. Все люди находились на своих местах. А враги наши все еще не показывались.

Так хотелось, чтобы светила луна, но она спряталась за тучи, по-видимому, надолго. Скулил в темноте ветер, нагоняя мглу, а море, ворочаясь, раздраженно ворчал. Медленно, как липкая струя, тянулось время. Ожидание опасности свинцовой тяжестью давило сердце.

Склянки пробили полночь. Часть команды могла спать, но немногие воспользовались этим разрешением. На горизонте мелькали какие-то огни.

– Эх, хоть бы скорее ночь прошла! – вздохнул один из матросов.

– Да, днем не посмеют подойти к нам, – промолвил другой.

Боязнь перед возможностью нападения на нас японцев все возрастала и так затуманила разум, что все потеряли способность здраво мыслить. Никто не задумывался над нелепыми сообщениями «Камчатки». Представляя собою дешевый транспорт, она имела у себя лишь несколько мелких пушек, и потеря ее ни в коем случае не могла бы остановить нашу эскадру. Для чего же она понадобилась японцам? Неужели они, если уж решились атаковать нас, выбрали ее вместо новейшего броненосца? И зачем понадобилось высылать против нее целую флотилию миноносцев в восемь штук, когда один из них легко может с нею справиться? Неужели японцы так глупы? Тут было что-то неладно. Только при болезненном воображении командир «Камчатки» мог представить себя атакованным «со всех сторон». Отличился и наш командующий. Получив такие сведения, он поверил им и, вместо того чтобы послать какой-нибудь крейсер на защиту «Камчатки», начал наводить панику на свой отряд.

Около полуночи наш отряд проходил Доггер-Банку – отмель в Немецком море, знаменитую обилием рыбы. На этой отмели всегда можно видеть рыболовные суда. Впереди нашего отряда взвились трехцветные ракеты. «Суворов», приняв их за неприятельские сигналы, открыл боевое освещение, а вслед за этим с него грянули первые выстрелы. Его примеру последовали и другие броненосцы. Так началось наше «боевое крещение».

На «Орле» все пришло в движение, как будто внутрь броненосца ворвался ураган. Поднялась невообразимая суматоха. Заголосили горнисты, загремели барабанщики, выбивая «дробь-атаку». По рельсам, подвозя снаряды к пушкам, застучали тележки. Оба борта, сотрясая ночь, вспыхнули мгновенными молниями орудийных выстрелов. Заревела тьма раскатами грома, завывла пронизывающими ее стальными птицами. На палубах не прекращался топот многочисленных ног. Это бежали снизу наверх и обратно люди; они метались по всем отделениям и кружились, как мусор в вихре.

Слышались бестолковые выкрики:

– Миноносцы! Миноносцы!

– Где? Сколько?

– Десять штук!

– Больше!

– Черт возьми!

– Погибать нам!

Вольноопределяющийся Потапов выскочил из своей каютки в одном нижнем белье. На его маленьком лице выразилась полная растерянность, глаза тупо вращались, ничего не понимая. Он бросился было к трапу, но сейчас же отпрянул обратно. Ничего не придумав другого, он вскочил на умывальник и, бормоча что-то, улегся в его желоб. Некоторые матросы запаслись спасательными кругами. Другие, выбросившись на верхнюю палубу, хватали пробковые койки. Кто-то крестился, и тут же летела отвратительная матерная брань. В левый борт дул ветер, рычало море и лезло через открытые полупорты внутрь судна. С жутким гулом разлилась по батарейной палубе вода. Ошалело стреляли комендоры, не целясь, куда попало, стреляли прямо в пространство или в мелькавшие в стороне огни, иногда прямо в воду борта, иногда туда, где останавливался луч прожектора, хотя бы это место было пустое. Прислуга подачи, не дожидаясь выстрела уже заряженной пушки, тыкала в казенник новым патроном. Вместе с мелкой артиллерией бухали и шестидюймовые башенные орудия. Наверху трещали пулеметы и этим самым только больше нервировали людей, вносили замешательство на судне. В грохоте выстрелов, в гвалте человеческих голосов иногда можно было разобрать ругань:

– Что вы делаете, верблюды? Куда стреляете?

– Наводите в освещенные миноносцы!

С заднего мостика сбежал на палубу прапорщик с искаженным лицом и, держа в руках пустой патрон, истерично завопил:

– У меня все снаряды расстреляны! Орудийная прислуга обалдела, не слушается! Я им морды побил! Дайте скорее еще снарядов!

Кильватерный строй нашего отряда сломался. Часть прожекторов освещала суда, которые мы расстреливали, а остальные двигали свои лучи в разных направлениях, кромсая ночь, создавая беспорядок. Далеко впереди и справа на расстоянии в несколько миль сверкали вспышки сигналов. Только впоследствии узнали, что там проходил эшелон адмирала Фелькерзама, а сейчас его тоже признали за противника. Но каково же было удивление всех, когда слева, совсем близко, вдруг загорелись прожекторы и, ослепляя людей, уперли свои лучи в наши броненосцы. Создалось такое впечатление, что нас окружают вражеские силы со всех сторон.

Объятые ужасом, некоторые загалдели:

– Японские крейсера!

– Целая эскадра идет на нас!

С нашего отряда открыли огонь по этим прожекторам, что освещали слева, из мрака. Оттуда тоже начали отвечать стрельбой. Через «Орел», завывая, полетели чьи-то снаряды. На ближайшем судне, вероятно на «Бородине», покрыв все остальные грохоты, раздался выстрел двенадцатидюймового орудия.

– Мина взорвалась! – закричал кто-то на «Орле».

– Где? У нас?

Вид на носовую 12-дм башню и боевую рубку броненосца типа «Бородино»

– Вероятно, «Бородино» потопили.

– Сейчас и нас взорвут.

И новая весть, изменяясь на все лады, покатилась вниз по всем отделениям. Так, принимая искаженные формы, чудовищно изменилась действительность в сознании людей, взбудораженных паникой. Броненосец, казалось, превратился в плавучий дом сумасшедших.

Неизвестные корабли, что находились слева, вскоре огнями Табулевича показали свои позывные. Это были крейсера из отряда контр-адмирала Энkvиста – «Аврора» и «Дмитрий Донской».

Несомненно было, что мы, идя по Доггерской Банке, врезались в рыбацкую флотилию. Но наше высшее командование приняло эти жалкие однотрубные пароходики с номерами на боку за неприятельские миноносцы. Флагманский корабль первый открыл по ним стрельбу, заразив своим страхом остальные броненосцы. Безумие продолжалось. В результате представилась жуткая картина. Не дальше как в пяти кабельтовых от нас, в лучах прожектора, плавало, свалившись набок, одно судно с красной трубой, с поломанной мачтой, с разрушенным мостиком. Еще четыре таких же парохода были подбиты. На некоторых из них возник пожар. Там метались люди от носа к корме и от кормы к носу, умоляюще подбрасывая вверх руки. А куда они могли убежать с такой маленькой площади, как палуба? Вокруг шумели волны и вздымались столбы воды от снарядов.

На «Суворове», погасив боевое освещение, оставили один только прожектор, луч которого поднялся к небу. Это служило сигналом: «Перестать стрелять». На «Орле» с мостика неистово кричали:

– Прекратить огонь!

Офицеры насильно оттащивали от орудий очумелых комендоров, осыпая бранью и награждая их зуботычинами, а те, вырвавшись из рук, снова начинали стрелять. На верхней палубе горнист Балеста делал попытки играть отбой. Но у него прыгал в руках горн, губы не слушались, извлекая звуки настолько несуразные, что их никак нельзя было принять за какой-нибудь сигнал. Около Балесты крутился боцман Саем и, ударяя его кулаком по голове, яростно орал:

– Играй отбой! Расшибу окающую твою душу на месте!

У горниста из разбитых губ, окрашивая подбородок, стекала кровь.

Бой продолжался минут двенадцать. За такой короткий промежуток времени только с одного «Орла» успели, не считая пулеметных выстрелов, выпустить семнадцать шестидюймовых снарядов и пятьсот снарядов мелкой артиллерии.

Как после узнали, то же самое происходило и на других броненосцах. Не представлял собою исключения и флагманский «Суворова», где царил такой хаос, что сам адмирал принимал непосредственное участие в наведении порядка.

У нас оторвало дуло у 75-миллиметровой пушки.

Вскоре выяснилось, что с нашего отряда попало пять снарядов в «Аврору», пробив надводный борт и трубы. Двое были там ранены – легко комендор Шатило и тяжело священник Афанасий, которому оторвало руку (вскоре он умер). Но могло быть и хуже. Если бы мы стреляли умело и если бы наши снаряды разрывались хорошо, то в этой суматохе мы потопили бы сами часть своих судов.

Встретившись вскоре с инженером Васильевым, я сказал:

– Не совсем приятная история получилась, ваше благородие.

Он взглянул на меня карими глазами и, махнув рукой, недовольно буркнул:

– Вышли на потеху всему свету.

Так закончился наш первый бой, названный впоследствии по месту приписки рыболовных судов, расстрелянных нами, «гульским инцидентом»².

---

² Впоследствии некоторые офицеры, а больше всего сам адмирал Рожественский в своем рапорте на имя морского министра и капитан 2-го ранга, как и В. Семенов в своей трилогии «Расплата», старались доказать, что на Доггер-Банке вместе с рыболовными судами были и японские миноносцы. Для разбора «гульского инцидента» была создана международная комиссия. В ней от России участвовал в качестве комиссара адмирал Дубасов. Несмотря на свой крайний шовинизм, он, однако, вынужден был признать в докладе своему правительству: «В присутствии миноносцев я сам в конце концов потерял всякую веру, а отстаивать эту версию при таких условиях было, разумеется, невозможно. Необходимо было ограничиться тезисом, что суда, принятые русскими офицерами за миноносцы, занимали относительно эскадры такое положение, что ввиду совокупности обстоятельств, заставивших вице-адмирала Рожественского ожидать в эту ночь нападения, суда эти нельзя было не признать подозрительными и не принять решительных мер против их нападения. Этот тезис я и решил сделать своею главною точкою, тем более что единственный надежный союзник, на которого я мог рассчитывать, адмирал Фурнье (комиссар Франции), держался того же взгляда на дело...» (Архив войны, шкаф № 4, дело № 849.) О «гульском инциденте» теперь имеется подробное исследование Н. В. Новикова, опубликованное в № 6 «Морского сборника», 1935 г. Оказывается, в этом деле виноватым был не один только Рожественский. Морское министерство, боясь покушений на 2-ю эскадру со стороны японцев, решило организовать охрану ее в пути. Как ни странно, такая ответственная задача была поручена известному в истории русского революционного движения провокатору Гартингу-Ландезену, агенту царской охранки за границей. На это был отпущен специальный кредит в полмиллиона рублей. Под фамилией Арнольда провокатор поселился в Копенгагене и оттуда руководил агентурной сетью. Чтобы оправдать расходы, он изобретал фантастические сенсации о подозрительных силуэтах и огнях таинственных кораблей и заваливал фальшивками морской штаб. Именно он заставил верить в мнимые миноносцы, которые чудились эскадре.

Часть вторая. Вокруг мыса Доброй Надежды

1. Мои думы о флоте не закончены

Следующие дни проходили благополучно. Только в одном месте, встретившись еще раз с рыболовными судами, порвали им сети. Как только не запутали в них свои винты! Проходя каналом Ла-Манш, видели справа дуврские утесы, воспетые когда-то Виктором Гюго. Отсюда через каких-нибудь три часа можно было добраться до Лондона, до огромной и туманной столы, где какие-то таинственные воротилы заправляют всей мировой политикой.

Легли на курс через Бискайский залив. Почти всегда беспокойный, буйный, раздражающий моряков всех стран, он на этот раз встретил нас мирно, хотя навстречу нам и катилась крупная зыбь, порожденная просторами Атлантического океана. Броненосец наш, держась кильватерной струи впереди идущего судна, беспрерывно кланялся носом.

Этот период осени как раз совпадал с перелетом птиц. Многие из них, усталые, присаживались на наше судно отдохнуть. Матросы оказывали им радушный прием, давая пищу — хлеб или крупу.

А однажды ночью мне пришлось наблюдать явление, возбуждавшее во мне ряд неразрешимых вопросов. Небо было звездное. По зыбучей поверхности моря трепетно разливался лунный свет. Катились волны, гладкие, как отполированные, вспыхивая мгновенным блеском и потухая. В этой изумительной игре светотеней было что-то детски беззаботное, а вместе с тем простое и мудрое, как вечность. Я стоял один на поперечном мостике, перекинутом через роостры, и думал о нашем флоте. Как у нас хорошо все выходило на парадах и высочайших смотрах и как ужасно плохо получилось, когда мы расстреливали рыбаков.

Я доискивался до причин этого и приходил к неутешительным выводам.

В доках у нас, грохоча молотками, ремонтировали старые суда, и они еще плавали по несколько лет. А на эллингах строили новые корабли по последним образцам, правда, тратя на каждый из них денег в два раза больше, чем он стоил на самом деле. И все это делалось как будто не спустя рукава. Прежде чем приступить к созданию какого-нибудь броненосца или крейсера, о нем предварительно несколько лет толковали, спорили, кричали, совещались, писали, ломая головы, проекты и контрпроекты и только после этого приступали к делу, начинали строить. И все-таки корабли выходили с малой остойчивостью, непослушные рулю, с мыльными заклепками и другими дефектами.

Не стояли как будто и другие дела. Адмиралы с глубокомысленными лицами и с сознанием своего достоинства делали соответствующие своему званию распоряжения, а их адъютанты и флаг-офицеры усердно строчили приказы и циркуляры, которые писаря, соблюдая порядковый номер, аккуратно подшивали к делам. В канцеляриях исписывались целые горы бумаг в виде рапортов, предписаний, отношений, донесений. Устраивались парады, ходьба церемониальным маршем, производились всевозможные учения. Начальники допрашивали нижних чинов о претензиях и делали инспекторские смотры, в заключение выкрикивали:

— Очень хорошо, молодцы!

На это нижние чины браво отвечали:

— Рады стараться, ваше ...гитество!

Иногда посещал корабли шеф флота, родной дядя Николая II, великий князь Алексей Александрович. Глядя на суда, выкрашенные к его приезду, на бравый вид моряков, он тоже был доволен. Но он не понимал, что весь организм военно-морского ведомства, охваченный гангреной, разлагается. От других высочайших особ этот великий князь отличался только тем, что был могуч ростом и тяжел весом. Во флоте называли его: «Семь пудов августейшего мяса».

С показной стороны все обстояло благополучно, иногда даже красиво. Но если ближе присмотреться к военно-морскому ведомству, то нельзя было не вынести безнадёжного впечатления. Вся служба во флоте сводилась к тому, чтобы оказывать высшему начальству наибольшие почести, делать вид, что занимаются боевой подготовкой личного состава, беспрестанно скоблить и вновь красить корабли и как можно больше времени проводить на берегу. Главные представители флота, за исключением немногих, подбирались, как нарочно, из людей тупых и бездарных, с головой погрязших в бюрократизме и рутине. В глазах наших командующих матросы представляли собой баранов, бывших крепостных, нижних чинов, лишенных не только права, но и способности самостоятельно мыслить. Матрос должен сознавать свое ничтожество перед начальством. Команду нужно хорошенько «драить»! «Надраенная» команда – это гордость каждого командира и старшего офицера. На вызов начальства матрос должен подлетать по палубе бегом и смотреть на своего повелителя «бодро и весело», как хорошо дрессированная собака. В этом и упражнялись многие адмиралы и командиры, в этом видели залог боевой подготовки и основу морской дисциплины. Но в то же время они мало обращали внимания на то, что матросы не умеют пользоваться оптическими прицелами, не могут обращаться с дальномерами, стреляют плохо. Мне кажется, корни такого зла имели свое начало в глубине нашей истории.

Русский парусный флот, основанный Петром Великим, через несколько десятков лет достиг своего высокого совершенства и вышел на океанский простор. В начале девятнадцатого века продолжалось его процветание. Он уже стоял на одном уровне с флотами других государств. Из недр его выделился целый ряд выдающихся людей.

Были у нас исследователи новых стран и ученые деятели.

Знаменитый мореплаватель Крузенштерн в 1803–1806 годах на корабле «Надежда» совершил кругосветное путешествие. Он собрал огромный материал по океанографии, географии, ботанике, зоологии, этнографии и навигации. Его именем были названы в Тихом океане пролив, остров, отмель, и залив. Кстати, нужно сказать, что, уходя в плавание, он приказал выбросить за борт тросовые линьки, которыми истязали матросов. В те времена это был исключительный случай.

Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузен, будучи начальником южной полярной экспедиции, пустился в плавание в Ледовитый океан на своем шлюпе «Восток» и спускался до семидесятого градуса южной широты, то есть дальше, чем последующие мореплаватели – Джемс и Кук. Он семь раз пересек Южный полярный круг и прошел под парусами тридцать шесть тысяч четыреста семьдесят пять верст. И мир обогатился новыми сведениями об этой загадочной части нашей планеты. Кроме того, он открыл двадцать девять островов и одну коралловую мель в Тихом океане.

Федор Петрович Литке в течение четырех лет плавал от Архангельска к Новой Земле. Добытый им материал составил великолепный источник для ознакомления с этой частью нашей Арктики.

В 1826 году он был назначен командиром шлюпа «Сенявин», на котором совершил свое знаменитое кругосветное плавание. Исследовал главным образом побережья Охотского и Японского морей, Каролинских и Марианских островов в Тихом океане. Во время путешествия он повсюду производил наблюдения над качанием маятника. Обширный запас научного материала и всевозможные коллекции, привезенные Литке, вызвали всеобщее удивление в ученом мире. Недаром он был избран членом многих академий и университетов за границей.

Не меньшие были заслуги и у таких моряков, как Василий Михайлович Головин, Отто Коцебу, Геннадий Иванович Невельской и другие.

Были у нас и адмиралы-флотоводцы, адмиралы-победители.

Герой, соратник Суворова, соперник в подвигах с Нельсоном, адмирал Ф. Ф. Ушаков считался создателем Черноморского флота и новатором в военно-морском искусстве. Наравне

с Клерком у англичан и Сюффреном у французов он боролся с установившейся во флоте рутинной и блестяще оправдал свое новаторство во многих сражениях. Как и Суворов, он был непобедим.

Адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина при жизни называли «великим человеком». Происходя из семьи моряков, он прошел морскую и боевую школу в ушаковских кампаниях в Черном и Средиземном морях. Назначенный в 1806 году, по рекомендации Ушакова, флагманом, он провел двухлетнюю кампанию при невероятных материальных и технических трудностях. В сложном политическом переплете наполеоновских войн он сражался то в союзе с турками против французов, то в союзе с французами против англичан. Занятие Боко-ди-Катаро, поражение французов у Далматинских островов, бой у Тенедоса, Афонское сражение – все это были подвиги, когда Сенявин побеждал, уступая врагу в численности, вписывая славные страницы в историю нашего флота. С полуизносившимися и истрепанными в боях кораблями, окруженный англичанами в Лиссабоне, вопреки распоряжению Александра I, он не потопил и не сжег своих кораблей. Он гордо продиктовал много сильнейшему его противнику свои условия и спас для России остатки флота. Царь был недоволен таким «ослушанием», уволил Сенявина со службы и даже не вернул ему собственных денег, какие он тратил в походе на флот. Таким образом, прославленный адмирал, которому казна должна была миллионы, под старость остался в нищете.

Изучая историю морских сражений, ни один не пройдет мимо таких выдающихся имён, как Лазарев, Гейден, Корнилов и Нахимов.

Этот период процветания парусного флота, продолжавшийся до самой Севастопольской кампании, создал чрезвычайно прочные и устойчивые традиции морской службы. Выработался тип моряков, офицеров и матросов, всецело прираставших к палубе корабля и годами бороздивших отдаленные океаны. В Севастопольскую кампанию, однако, обнаружилось, что личные качества моряков уже не могли возместить отсталости нашего флота. Требовались паровые двигатели и железное судостроение. А наши деятели того времени не могли к этому своевременно перейти. Дисциплина и священные традиции парусного флота глубоко срослись со всей системой крепостничества, являвшегося социальной базой патриархальной русской государственности. Результаты в Крымскую кампанию получились самые плачевные.

Падение крепостного права сопровождалось появлением кораблей с паровыми двигателями. Но еще долгое время машина играла роль вспомогательного двигателя, а полное парусное вооружение сохранялось даже на броненосных судах. Еще в период 1882–1890 годов строились броненосные фрегаты – «Дмитрий Донской», «Владимир Мономах», «Адмирал Нахимов», «Память Азова», «Рюрик», а также броненосцы – «Николай I» и «Александр II» с запасным парусным вооружением. Эти корабли в продолжение двух десятилетий бороздили моря и океаны и дожили еще до времени Русско-японской войны. Некоторые из них остались в Кронштадте, другие вошли в состав нашей 2-й эскадры, а один уже нашел себе могилу на Дальнем Востоке.

Эта система кораблей воспитала особую школу моряков. К ним принадлежали все без исключения адмиралы русского флота, а также большинство судовых командиров и старших офицеров, принимавших участие в Русско-японской войне. Яркими представителями этой школы были адмиралы Алексеев, Дубасов, Чухнин, Скрыдлов, Бирилев, Рождественский и отчасти Макаров, единственный во флоте человек, который, будучи сыном боцмана владивостокского полуэкипажа, проник благодаря счастливым обстоятельствам в чрезвычайно замкнутую и недоступную касту морских офицеров. Но даже и этот наиболее передовой и талантливый из морских руководителей, чувствуя уже рождение новой судовой техники, не мог преодолеть в себе всей силы привычек и традиций парусной эпохи. А что можно сказать о других адмиралах? Из прежних навыков они черпали свои организационные принципы, способы управления эскадрой, кораблями и людьми. В новый флот с машинами тройного расширения,

электротехникой, гидравликой и всеми бесчисленными специальными механизмами они целиком перенесли социальную обстановку крепостнического времени...

Морские офицеры

Мои мысли вдруг оборвались. Со стороны кормы, издалека, послышался нарастающий шум, словно нагонял нас ураган. Шум, быстро приближаясь, превратился в гул, а вместе с

ним широкой пеленой заслонились звезды. Упруго задрожал воздух. Это продолжалось всего только несколько секунд. Получилось впечатление, как будто над кораблем пронеслась черная дырявая туча. На самом же деле это пролетела огромнейшая, в несколько тысяч штук, стая птиц, держа направление на юго-восток. Почему все птицы делают перелеты ночью? Почему они собираются для этого в большие стаи? Может быть, у них свои адмиралы есть?

В детстве мне много приходилось заниматься птицами. Однажды я произвел интересный опыт над скворцом. У меня была прикреплена к жерди скворешня, балкончик которой я устроил на петлях, а от него вниз, через внутреннее помещение птичьего жилья, провел шнур. Стоило только дернуть за такой шнур, и балкончик захлопывал входное отверстие скворешни. Я дождался того времени, когда в гнезде зациркали птенцы и родители их начали носить им пищу. Прилетел самец, держа в клюве червяков. Когда он залез внутрь своего домика, я захлопнул, дернув за шнур, входное отверстие. А дальше при помощи товарищей, моих сверстников, ничего не стоило снять скворешню, оторвать от нее половинку крыши, и перепуганный насмерть скворец был у меня в руках. Я привязал к его правой ноге кусочек красной шелковой ленты и отпустил его на волю. Мой скворец взвился и со всей стремительностью направился в сияющую даль полей, уменьшаясь до размеров мухи, пока совсем не исчез. Но на второй день опять прилетел и, держа в клюве пищу для птенцов, долго с тревожным криком кружился над гнездом. Улетал куда-то и снова возвращался. А через три дня все пошло по-старому: он залезал внутрь скворешни и довольно исправно кормил своих детей. Любовь к ним поборолла страх перед опасностью. Подросли птенцы, оперились и навсегда оставили свой родной домик. В начале осени, когда эти птицы начали собираться в большие стаи, не раз видел я среди них своего скворца с красной ленточкой на правой ноге. Это меня очень забавляло. Но какова же была моя радость, когда и на следующую весну он прилетел и поселился в той же скворешне. Только красная лента на его ноге поблекла. И мне казалось, что на этот раз он, блестяще-черный, с фиолетовым отливом, рассыпался брачными песнями перед своей пестренькой подружкой особенно красиво и весело.

Я вывел на двор отца и мать и, показывая на скворца, восторженно сказал:

– Смотрите! Вот он!

А потом задал вопрос:

– Как он нашел дорогу обратно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.